

К Р О К О Д И Л

К 556 / 39р

ВЫДАЧА ПУТЕВОК
НОВЫМ ГОДАМ
В КОМНАТЕ 1939 →

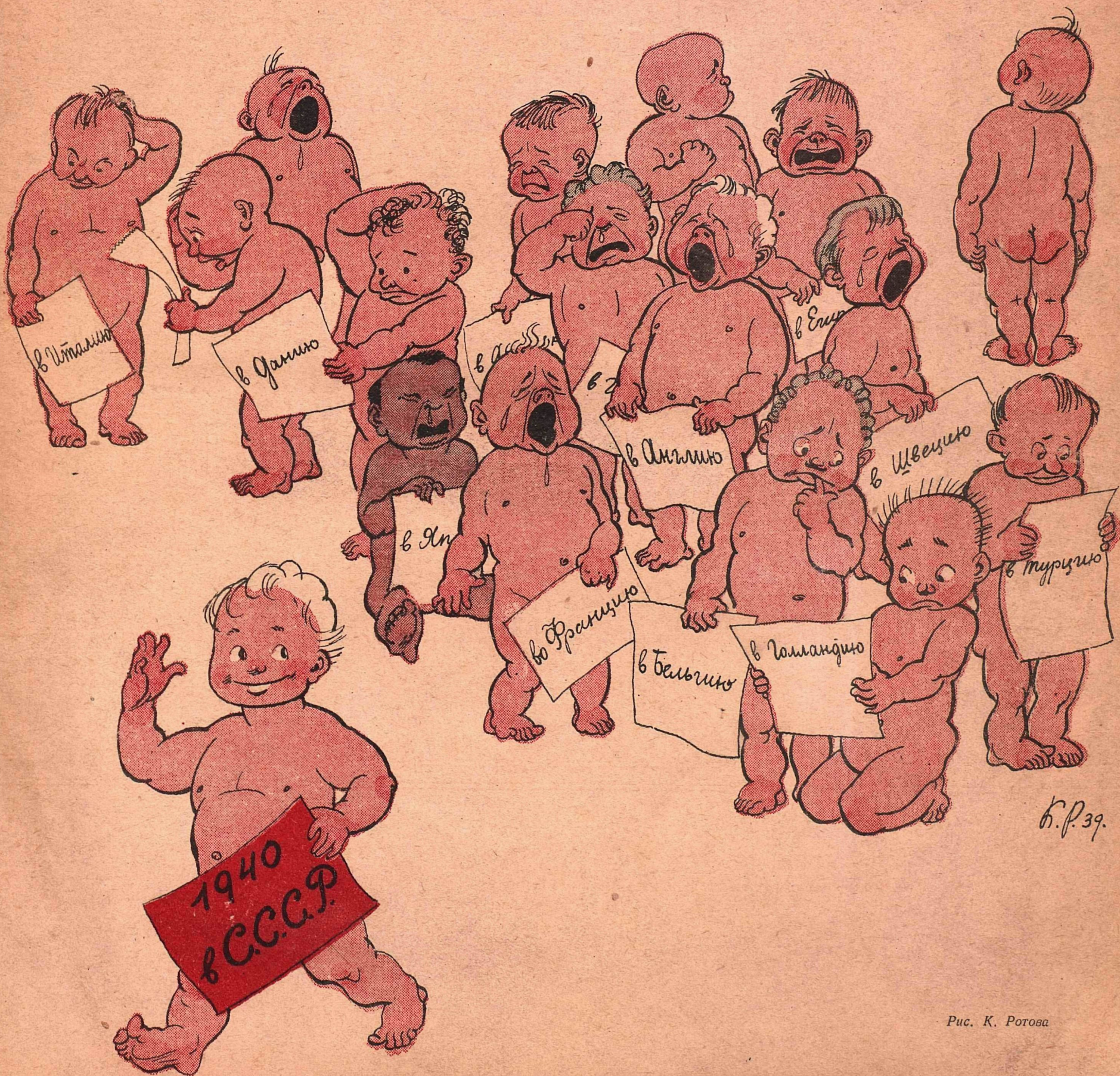

Рис. К. Рогова

Вниманию провожающих

В честь Нового года, в честь радостной даты
Плывет над столами гусей аромат,
Двенадцать ударов, бокалы подъяты,
И пробки взлетают, и марши гремят!

И вот над салатом, над гусем на блюде,
Парадной, чем солнце встает на восход,
За каждым столом поднимаются люди,
Чтоб тостом воспеть новорожденный год.

Веселый актив новогодних пирушек!
Я тостов подобных немало слышал,
Позвольте, старинный обычай нарушив,
В честь Старого года наполнить бокал.

Поверьте, друзья, старичок годовалый
Вполне заслужил на прощание тост,
Он стоит того, чтоб наполнить бокалы
И гордо поднять над землею до звезд!

Хоть возраст его — это довод не веский,
Он был не длинней, не короче других,
Но год календарный для славы советской
Трудился, по правде сказать, за двоих.

Он видел, как зреют в Останкине дыни,
Веками привыкли зреть в Фергане,
Как воды бегут по Ферганской долине
Подобно простой москворецкой волне.

Он шел по степям, раскаленным и голым,
На ратные встречи он смело глядел,

В просторах, за мутной водой Халхин-гола
На крыльях знамен он к победе летел.

А после промчался на Запад с Востока,
Бродил по болотам, по чащам лесов,
Он видел победу у стен Белостока,
И звезды, влетающие с боем во Львов.

От наших границ проходил он с почетом,
Встречаемый лаской свободных людей.
Для многих врагов он последний по счету,
И первый — для множества наших друзей!

Поднимем бокалы в честь Старого года,
В честь прошлого года бессмертной земли,
За дни и за ночи боев и походов,
Которые доблестно мы провели!

По праву поднимем бокалы сегодня
За ветер тех дней, за цветы, за плоды
И даже за снег, белый снег прошлогдний,
Хранивший победных походов следы;

За внуков безусых, за дедов усатых,
Шагающих с внуками в первом ряду,
За всех молодых и седых депутатов,
Вчера лишь родившихся в Старом году.

Желаем, товарищи, Новому году
Пройти над любимой землей без невзгод,
В любой обстановке, в любую погоду
Всегда быть победным, как прожитый год!

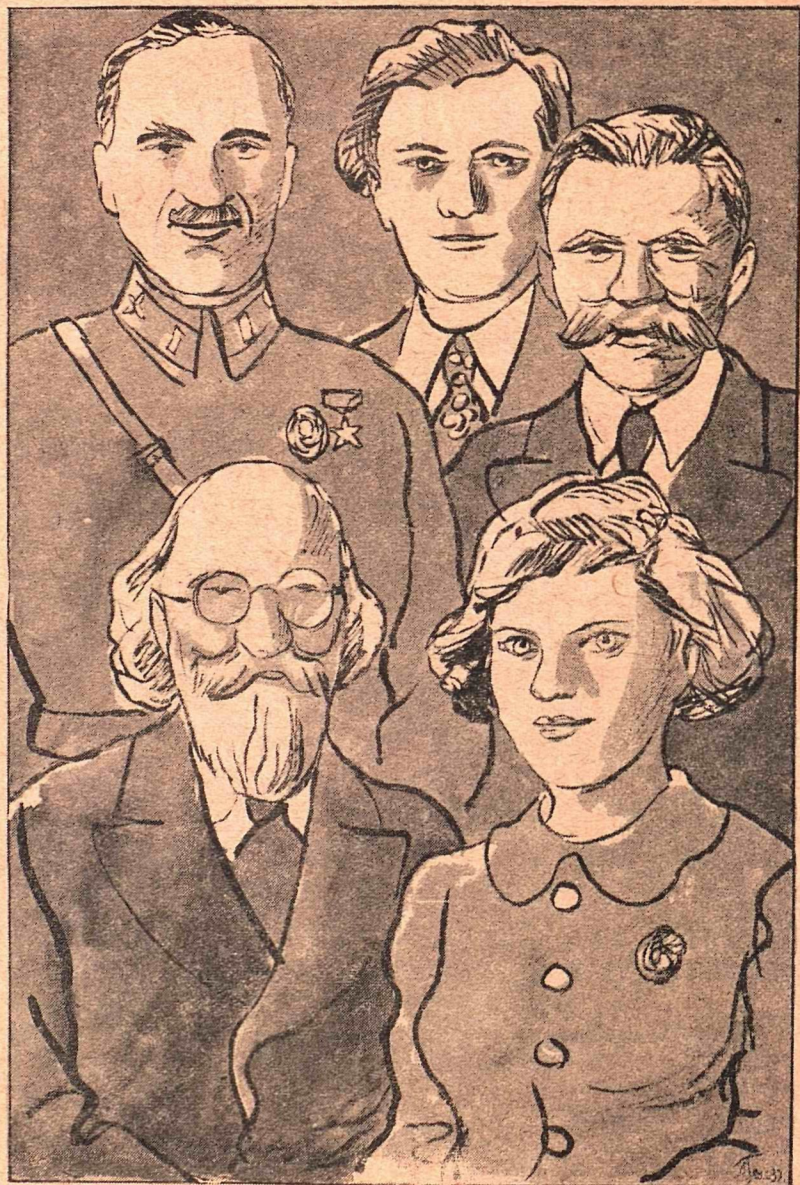
ВИКТОР ВИННИКОВ

ДЕПУТАТЫ (Прежде и теперь)

Рис. Л. Генча

Отцы города.

Сыны народа.

— Что делают в Париже эти финские офицеры?
— Подыскивают угол для столицы.

Рис. И. Семенова

— Если бы вы знали, как я к вам тепло отношусь!..

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Будильника мы ожидали звон,
 Чтоб сесть за стол и звон начать бокалий.
 Но он молчал. И мы вокруг молчали.
 Но только в шесть утра
 наш первый крепкий сон
 Нежданно звоном потревожил он.

Остерегайтесь же при встрече года
 Будильников 2-го часзавода.

Р. РОМАН

Тридцать лет спустя

ПОЗВОЛЬТЕ, дорогие читатели, поздравить вас с новым годом. Примите наши лучшие пожелания и прочее и прочее.

И позвольте по случаю нового года предложить вашему вниманию небольшой новогодний рассказ, взятый, как говорится, из источника самой жизни.

Конечно, строго говоря, этот рассказ не совсем новогодний. И даже он вовсе не новогодний. Но я решительно не понимаю: зачем на новый год надо непременно читать новогодние небылицы? Уж лучше прочитайте обыкновенный правдивый рассказ, полезный для новогодних мыслей.

А уж если на то пошло, этот рассказ я написал незадолго до нового года. Так что оно так на так и получается.

Итак, извольте новогодний рассказ.

Конечно, отчасти он детский — этот рассказ. Но и взрослые без ущерба для себя могут его прочитать. И ничего плохого от этого с ними не будет. Даже наоборот.

Так вот новогодний рассказ.

Мои родители очень горячо меня любили, когда я был маленький. И они дарили мне много подарков.

Но когда я чем-нибудь заболел, родители буквально тогда засыпали меня подарками.

А я почему-то очень часто хворал. Главным образом свинкой или ангиной.

А моя сестренка Леля почти никогда не хворала. И она завидовала, что я так часто болею.

Она говорила:

— Вот погоди, Минька, я тоже как-нибудь захвораю, так наши родители тоже, небось, начнут мне накопать всего.

Но как назло Леля не хворала. И только раз, подставив стул к камину, она упала и разбила себе лоб. Она охала и стонала, но вместо ожидаемых подарков она от нашей мамы получила несколько шлепков, потому что она подставила стул к камину и хотела достать маминны часики, а это было запрещено.

И вот однажды наши родители ушли в театр и мы с Лелей остались в комнате. И мы с ней стали играть на маленьком настольном бильярде.

И во время игры Леля, охнув, сказала:

— Минька, я сейчас мечаянно проглотила бильярдный шарик. Я держала его во рту, и он у меня через горло провалился вовнутрь.

А у нас для бильярда были хотя и маленькие, но удивительно тяжелые металлические шарики. И я испугался, что Леля проглотила такой тяжелый шарик. И заплакал, потому что подумал, что у нее в животе будет взрыв.

Но Леля сказала:

— От этого взрыва не бывает. Но болезнь может продолжаться целую вечность. Это не то, что твой свинка и ангина, которые проходят в три дня.

Леля легла на диван и стала охать.

Вскоре пришли наши родители, и я им рассказал, что случилось.

И мои родители испугались до того, что побледили. Они бросились к дивану, на котором лежала Лелька, и стали ее целовать и плакать.

И сквозь слезы мама спросила Лельку, что она чувствует в животе. И Леля сказала:

— Я чувствую, что шарик катается там у меня внутри. И мне от этого щекотно и хочется какао и апельсина.

Папа надел пальто и сказал:

— Со всей осторожностью разденьте Лелю и положите ее в постель. А я тем временем сбегаю за врачом.

Мама стала раздевать Лелю, но когда она сняла платье и передник, из кармана передника вдруг выпал бильярдный шарик и покатился под кровать.

Папа, который еще не ушел, чрезвычайно нахмурился. Он подошел к бильярдному столу и пересчитал оставшиеся шары. И их

оказалось пятнадцать, а шестнадцатый шарик лежал под кроватью.

Папа сказал:

— Леля нас обманула. В ее животе нет ни одного шарика: они все здесь.

Мама сказала:

— Это ненормальная и даже сумасшедшая девочка. Иначе я не могу ничем объяснить ее поступок.

Папа никогда нас не бил, но тут он дернул Лелю за косичку и сказал:

— Объясни: что это значит?

Леля захныкала и не нашлась, что ответить.

Папа сказал:

— Она хотела над нами пошутить. Но с нами шутки плохи! Целый год она от меня ничего не получит. И целый год она будет шляться в старых башмаках и в старом синеньком платье, которое она так не любит!

И наши родители, хлопнув дверью, ушли из комнаты.

И я, глядя на Лелю, не мог удержаться от смеха. Я ей сказал:

— Леля, лучше бы ты подождала, когда захворает свинкой, чем идти на то, на что ты пошла для получения подарков от наших родителей.

И вот, представьте себе, прошло тридцать лет!

Тридцать лет прошло с тех пор, как произошёл этот маленький несчастный случай с бильярдным шариком.

И за все эти годы я ни разу не вспомнил об этом случае.

И только недавно, когда я стал писать этот рассказ, я припомнил все, что было. И стал об этом думать. И мне показалось, что Леля обманула родителей не для того, чтобы получить подарки, которые она и без того имела, а для того, чтобы ее больше любили.

И когда мне пришла в голову эта мысль, я сел в поезд и поехал в Симферополь, где жила Леля. А Леля была уже, представьте себе, взрослая и даже уже немножко старая женщина. И у ней было трое детей и муж — санитарный доктор.

И вот я приехал в Симферополь и спросил Лелю:

— Леля, помнишь ли ты этот случай с бильярдным шариком? Зачем ты это сделала?

И Леля, у которой было трое детей, покраснела и сказала:

— Когда ты был маленький, ты был славенький, как кукла. И тебя все любили. А я уже тогда выросла и была нескладная девочка. И вот почему я тогда соврала, что проглотила бильярдный шарик, — я хотела, чтобы и меня так же, как тебя, все любили и жалели, хотя бы как больную.

И я ей сказал:

— Леля, я для этого приехал в Симферополь.

И я поцеловал ее и крепко обнял. И дал ей тысячу рублей.

И она заплакала от счастья, потому что она поняла мои чувства и оценила мою любовь. И тогда я подарил ее детям, каждому по сто рублей на игрушки. И мужу ее — санитарному врачу — отдал свой портсигар, на котором золотыми буквами было написано: «Будь счастлив».

Потом я дал на кино и конфеты еще по тридцать рублей ее детям.

И тогда я сказал ее детям:

— Глупые, маленькие сычи! Я дал вам это для того, чтобы лучше запомнили переживаемый момент, и для того, чтобы знали, как вам надо в дальнейшем поступать.

На другой день я уехал из Симферополя и дорогой думал о том, что надо любить и жалеть людей, хотя бы тех, которые хорошие. И надо дарить им иногда какие-нибудь подарки. И тогда у тех, кто дарил, и у тех, кто получает, становится прекрасно на душе.

А которые ничего не дарят людям, а вместо этого преподносят им неприятные сюрпризы, — у тех бывает мрачно и противно на душе. Такие люди чахнут и сохнут и хворают нервной экземой. Память у них ослабевает, и ум затмевается. И они умирают раньше времени.

А добрые, наоборот, живут крайне долго и отличаются хорошим здоровьем.

МИХ. ЗОЩЕНКО

Елка у начальника пожарной охраны.

Рис. В. Васильева

Новогодние

Необычайное мужество Роберта Глана

Фирма «Эдвардс Т. Джонсон» в Глазго сэр Уильяму Глану в Лондоне.

Достопочтенный сэр!
Великолепный поступок вашего сына своим беспримерным героизмом восхищает нас, как и всех истинных британцев. Преклоняясь перед необычайным мужеством и благородством прославленного лейтенанта Роберта Глана, настоящим имею честь от имени фирмы покорнейше просить вас дать разрешение на монопольный выпуск новой партии патриотических подтяжек под общим названием «Роберт Глан».

Фирмой намечены к выпуску три сорта: 1) «Роберт Глан прима» — нежно-голубые, с лейтенантскими нашивками, 2) «Роберт Глан экстра» — темно-красные, с серебряным гербом вашего дома и, наконец, 3) «Роберт Глан атлантик» — экстраординарного качества, с поясным портретом лейтенанта на скрещении ремней.

Немедленно по получении от вас положительного ответа фирма будет иметь удовольствие перевести вам 2 тысячи фунтов стерлингов в знак глубочайшего уважения к принципам вашей семьи.

Останься готовый к услугам
Директор фирмы

Э. Т. ДЖОНСОН.

Лэди Гвендолен Стайн, Малькольм Сквер, лейтенанту Роберту Глану, действующая армия.

Мой дорогой мальчик!
Прости, тысячу раз прости твою маленькую, глупую Гвендолен! Но, боже мой, мне так хотелось встретить этот мрачный новый год

рядом со своим ветренным голубоглазым Робби. Ведь мы с тобой не выдвинули бог знает сколько времени. И когда я узнала, что ты получаешь целую неделю отпуска, я была бесконечно счастлива. Подумать только, целую неделю с тобой!

В тот вечер я нарочно пригласила только твоих друзей, всех, кто любит тебя вместе со мной (но, конечно, неизмеримо меньше)... Все было так хорошо. И вдруг твой поспешный уход, почти побег, без всяких объяснений! Твое бледное лицо, горящие возбуждением глаза!.. И потом этот телефонный разговор с Джен. Я сама слышала, как ты говорил ей: «Умоляю... заклинаю вас небом, приходите без этого уродца, он будет только мешать нам. И что вы в нем нашли такого? Грязное животное, больше ничего...» Вполне естественно, что я подумала об ее муже. Мне казалось, что речь могла идти только о нем.

Мы, женщины, в таких случаях часто обманываем сами себя. Ревность заставила меня забыть все. Как я плакала потом, узнав от самой Джен, что вы говорили всего лишь о ее маленьком ручном шакале Микки!

Но ты уже ушел и не возвращался. А сегодня я прочла в газетах, что мой Робби — настоящий герой, любимец нации. Все утро я просидела у репродуктора, вбивая каждое слово. Я готова была расцеловать диктора, когда он рассказывал, как лейтенант Глан в канун нового года вернулся на передовые позиции и сказал полковнику: «Разрешите мне, сэр, встретить новый год в окопах. В эти дни в Лондоне мне было бы как-то не по себе».

Потом я с восхищением услышала, что без пяти двенадцать ты вдруг выскочил из окопа

и встретил новый год, стоя на бруствере, олицетворяя собой бессмертное мужество и гордую красоту Британии. Если бы ты знал, что делается в городе! Весь Лондон говорит только о тебе. Уже готовится ревью «Глан на бруствере, или новый год под пулями». Твоего отца выбрали почетным председателем клуба старых холостяков. За твои фотографии платят бешеные деньги... Мои подружки приходят ко мне с поздравлениями, а я... Что я могу сказать им? Ты должен простить меня, Робби. Вся моя вина в том, что я слишком сильно люблю тебя.

Несметное количество раз целует своего героя его крошка Гвендолен.

ПРИКАЗ № 312/6

по экспедиционному корпусу

За высокое сознание патриотического долга, выразившееся в отказе от недельного отпуска, и за исключительный героизм, проявленный 31 декабря 1939 года, в 23 часа 55 минут, приказываю: представить лейтенанта Роберта Глана к награде и произвести в следующий чин.

Начальник штаба корпуса полковник КАРЛЕЙ.

Капитан Роберт Глан, действующая армия Томасу Крэзу эсквайру, Лондон, Бэккер-стритт, 11.

Дружнице Том!
Честное слово, я ни черта не понимаю! Вот я уже капитан и даже, кажется, образец национального мужества. Меня приветствуют, поздравляют, обнимают и награждают...

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР ФОТО-ТЕЛЕГРАММА

Службные отметки

Читая вашего "Газетта". Замытно!

Шекстур

Имя: Ани Рагловой

№: _____

То ч. м. пор. №: _____

Адрес: _____

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР ФОТО-ТЕЛЕГРАММА

Службные отметки

ЗАДЕРЖАНА

Поздравляем с новым 1939 годом

В ПЯТИ

Соответствующие

Имя: Карлосевич

№: _____

То ч. м. пор. №: _____

Адрес: _____

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР ФОТО-ТЕЛЕГРАММА

Службные отметки

Утерянные вами адреса школ можете получить в новом году в любой справочной книжке Мосгорсправки

Районный Комитет Комсомола

Имя: _____

№: _____

То ч. м. пор. №: _____

Адрес: _____

Тел. №: _____

Службные отметки

Народный Комиссариат Связи СССР

Имя: Москва

Имя: _____

№: _____

То ч. м. пор. №: _____

Адрес: _____

Куда: Москва три адреса

Кому: Мухомов, Леонидов, Иван, Орлов, Катя Черновой

Время только только

Теперь так Шелли так

Верный до гроба

Спасибо, Вася

Алексей

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР ФОТО-ТЕЛЕГРАММА

Службные отметки

Москва три адреса

Мухомов, Леонидов, Иван, Орлов, Катя Черновой

Время только только

Теперь так Шелли так

Верный до гроба

Отправляется в это адрес

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР ФОТО-ТЕЛЕГРАММА

Службные отметки

Поздравляем. Милым новым звезд

Зритель

Имя: _____

№: _____

То ч. м. пор. №: _____

Адрес: Московскому Пылепарку котлы Мосархим

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР ФОТО-ТЕЛЕГРАММА

Службные отметки

Желаем в работе больше огня.

Курящий.

Имя: _____

№: _____

То ч. м. пор. №: _____

Адрес: Сивинской дооборудке Угрюмов

телеграммы

Между тем тебе как школьному товарищу хочу сообщить довольно неожиданную вещь. День, когда я, по общему мнению, показал всему миру, что такое британское мужество, был на самом деле днем, когда я испытал самый дикий ужас в своей жизни и вел себя, как последний трус. Ты знаешь, что я парень не робкого десятка, но это было выше моих сил.

30 декабря, когда я был еще скромным, незаметным лейтенантом, только что получившим отпускные документы, во всей Британской империи не было человека счастливее меня. Признаться, мне осточертели скучные окопы да и вся эта бесплодная война. Я всей душой рвался в Лондон.

И вот я в Лондоне. Я приехал под вечер. Очутьившись на улице, я долго пробирался в кромешной темноте, натыкаясь на прохожих и столбы фонарей. Кстати, должен заметить, что когда автомобиль сшибает тебя сзади, то это, конечно, имеет свои неприятные стороны, но когда в центре города это же делает верблюдов, то в этом есть что-то невыносимо оскорбительное. Я испытал и то и другое. Я понимаю, что нужно экономить бензин, но все-таки выпускать верблюдов на пешеходов да еще в темноте — это уже чересчур.

Мое путешествие к дому лэди Гвендолен походило на страшный детский сон: какие-то белые пятна маячили во всех направлениях, то и дело слышались чьи-то стоны и скрип тормозов невидимых машин.

В гостиной лэди Гвендолен я встретил еще более мучительные неожиданности. Прежде всего я узнал, что Тим Логан кончил свои дни под автомобилем неделю назад. Это сразу дало тон всему вечеру.

Как ты думаешь, кого я встретил у лэди Гвендолен? Ты никогда не догадаешься. Самое почетное место в гостиной занимал ка-

кой-то омерзительный гад, оказавшийся затем южноафриканским удавом. Это при моей-то любви к змеям! Можешь себе представить, как я почувствовал себя, увидев эту огромную гадину, изучающую меня сквозь толстое (к счастью!) стекло террариума.

Дальнейшее я просто не могу объяснить и поэтому передаю тебе только факты и отрывки разговоров так, как они мне запомнились. Я сам слышал, как лэди Винтер спрашивала у мисс Эллен:

— Скажите, милочка, что ела сегодня ваша пума?

На что та ответила: — Сегодня она пыталась съесть нашего дворецкого Джемса, но, к счастью, успела откусить ему только три пальца.

— Бедный Джемс! — вмешалась в разговор старая карга — лэди Мордегрум. — Но мне придется еще хуже: мой Карл передал своим ножищами наших болонок. Я никогда не думала, что бегемоты так неуклюжи.

Глаза у меня полезли на лоб. Что за странные шутки?

— А эта противная лэди Тренсилван, — продолжала лэди Мордегрум, — как всегда устроилась спокойнее всех. Никто не хотел брать гиену. А она взяла. И кормит ее чем попало. Как только кто-нибудь из наших питомцев прощадется с жизнью, лэди Тренсилван приезжает в гости со своей геной...

Ты должен согласиться, Том, что от таких разговоров можно взбеситься и не на шутку струсить. Поэтому, когда я услышал от Джен, что она хочет прийти к Гвендолен с шакалом (а шакалы, по мне, еще хуже змей!), я позорно бежал. Я решил немедленно вернуться на позиции, чтобы встретить новый год в сравнительно спокойной обстановке.

Только в окопах я вздохнул свободно. А 31-го числа, за несколько минут до нового

года, я принял сапог соседа за голову удава и, находясь под впечатлением столичных ужасов, выскочил из окопа, как пробка из бутылки шампанского. Но если кому везет, так ему везет до конца: это тоже сочли признаком героизма.

Вот истинная подоплека всей этой дурацкой истории. Я исповедываюсь перед тобой не только по старой дружбе, но и потому, что после всего пережитого мною в Лондоне я ни одной минуты не могу ручаться за твою жизнь и хочу, чтобы ты узнал правду обо мне еще на этом свете. Всего хорошего, дружище.

Твой РОБ.

P. S. Я знаю, что ты храбрый человек, но если тебе все-таки станет невтерпёж, приезжай отдохнуть к нам в окопы.

* * *

Этим кончается история о необычайном мужестве лейтенанта Роберта Глана. В основу ее лег ряд действительных фактов лондонской жизни после начала войны. В частности, иностранная печать сообщает, что число жертв уличного движения в затемненном Лондоне составляет больше 2 тысяч человек и неизмеримо превышает потери англичан на западном фронте. Сообщается также, что знаменитый Лондонский зоопарк находится в состоянии запустения и его обитатели берутся на иждивение сердобольными лэди и джентльменами. Одна лэди, например, взяла на воспитание даже бегемота. На улицах Лондона можно встретить верблюда из зоопарка, везущего легкий экипаж.

В свете этих фактов история лейтенанта Глана далеко не так фантастична, как это может показаться с первого взгляда.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ.

ПОД Верденом погиб батальон французской пехоты. Он двигался ходом сообщения, наткнулся на неприятельскую минную галерею и был взорван. Из обвалившейся земли торчало лишь несколько штыков. Впоследствии французы превратили эту ужасную братскую могилу в памятник: залили ее бетоном и сделали надпись. Из бетона, среди венков с полинявшими трехцветными лентами, до сих пор косо торчат кончики заржавленных штыков.

Думая об этом, я всегда вспоминаю другой случай, у нас на западном фронте в тысяча девятьсот шестнадцатом году.

Батарея стояла на позиции под Сморгонью, слева от того самого знаменитого шоссе Минск—Вильно, по которому отступала из России армия Наполеона. Шоссе это хорошо известно по картине Верещагина. Оно мало изменилось со времен Отечественной войны. Только у Верещагина написана лютая зима, полосатый столб и аллея траурных берез. У нас же под Сморгонью в ту пору была весна—конец свежего белорусского мая. С батареи мы видели длинный ряд старинных, кутузевских, берез, ставших за сто лет гораздо толще и выше. Кое-где порванные и расщепленные неприятельскими снарядами, они радовали чистотой, молодостью зелени.

Вторую неделю на фронте было затишье. Воспользовавшись им, мы очень хорошо замаскировали орудия молодым ельничком, выкопали дорожки, обложили их камешками, возле блиндажей вбили в землю скамейки и столики, на которых нарисовали шашечные клетки,—словом, превратили нашу батарею в прелестный уголок. Затем мы почистились, вымылись, пришли пуговицы, починили амуницию. Хорошенько вышаровали травой бачки и миски и, наконец, разложив под ведрами костры из можжевельника, стали всей батареей варить белье. А вываривши и накрепко выкрутив, не стали сразу развешивать его, чтобы неприятельская воздушная разведка не обнаружила нашу батарею. На этот счет мы были достаточно опыты. Мы терпеливо ждали, когда последний самолет противника, окруженный вскакивающими значками шрапнели, скрылся в глубине неприятельского расположения. Было отлично известно, что сегодня неприятельские аэропланы летать уже больше не будут. Поэтому мы спокойно раскинули все наши белье подштаники и рубахи по ельнику маскировки. В ожидании, когда белье высохнет, батарея отдыхала и развлекалась.

Независимые телефонисты пошли всей шашей в поле играть в городки или «скрабли», как они у нас назывались по-польски. Канонир Власов, пожилой белобрый солдат со скопческим лицом, владелец единственной на всю батарею бритвы, открыл возле своего блиндажа цырюльню и уже мылил холодным помазком жесткий подбородок своего взводного командира, старшего фейерверкера Бондарчука, мужаика по службе строгого, но тщеславного, любившего, чтобы ему служили.

Коротконогий разведчик по фамилии Ворона, пришедший из обоза первого разряда, где помещалась команда разведчиков, повидаться со своим земляком Прокошей Колыхаевым, плясал под балалайку и ходил на руках в кругу молчаливо обступивших его зрителей.

Вольноопределяющийся Самсонов, голубоглазый юноша с георгиевским крестом, волока за рукав шинель, шел под березы читать роман Федора Сологуба «Мелкий бес».

Звероподобный, но добрый, как дитя, чалдон Горбунов, только что научившийся грамоте, со страшной медлительностью, жарко сося и вслух произнося слова по слогам, писал письмо в Тамбовскую губернию дорогой супруге своей Варваре Денисовне. Щербатый рот его был весь лиловый от химического карандаша.

Согнув потные плечи с суконными погонами, Горбунов трудился над уголышком тонконового столика, за которым два орудийных фейерверкера пятого и шестого орудий с молчаливой яростью, с треском бились в дамки.

Один лишь фельдфебель, подпрапорщик Чигринский, георгиевский кавалер всех четырех степеней, считал ниже своего звания принимать участие в солдатских развлечениях, хотя ему и очень хотелось. Он только что пришел на батарею из своего особого блиндажика, устроенного между батареями и офицерской квартирой.

Фельдфебель притворно озабоченно расхаживал вдоль орудий, жмурился, подравнивая ребром шафранной руки старомодные усы—черные, с седчиной, сальные. Но скука одолевала его. Он не выдержал отчужденности. Заложив по-генеральски руки за спину, несколько выставив живот, на котором аккуратно лежал хороший офицерский пояс с колечками, он остановился возле третьего орудия, где собралась компания, наиболее достойная его общества, в том числе несколько бомбардир-наводчиков, два взводных, три орудийных начальника и дежурный по батарее, младший фейерверкер Лепко, весельчак и балагур.

Лепко рассказывал анекдоты. Заметив фельдфебеля, он на полуслове спрыгнул с крыши блиндажа, выложенной дерном, стукнул шпорами и приложил руку к козырьку заломленной фуражки.

— Анекдоты рассказываете?—сказал подпрапорщик со снисходительной насмешкой.

— Так точно, господин фельдфебель!—доложил Лепко.

— Ты рассказываешь?

— Так точно, господин фельдфебель, я!

— Ну, так можешь не стоять. Садись, продолжай. И я тоже где-нибудь около вас посижу, устроюсь. Послушаю ваши глупости.

Солдаты почтительно посунулись и дали место фельдфебелю.

— Про что же ты анекдот рассказываешь?—спросил фельдфебель, оправляя на бедрах гимнастерку превосходного сукна.

— Он рассказывает, Капитон Иванович,—сказал дискантом кузнец, канонир Улиер, бесарабский цыган с громадной синей бородой,—он рассказывает анекдот про то, как он сам в рай попал.

— Это—что-то для меня новое. Послушаю. Докладывай, Лепко. Начинать сначала.

Лепко блеснул карими глазами, воровато мигнул слушателям:

— Только, господин фельдфебель, вы потом до меня ничего не имейте и не обижайтесь.

— Это почему?

— Потому, что тама, в этом анекдоте, есть такой анекдот и ничего кроме.

— Хорошо. Пускай. Я позволяю.

Лепко вскочил на крышу блиндажа, устроил пашку между ногами, сбил фуражку еще более на ухо, облизал губы и с места в карьер начал резким, бабым голосом:

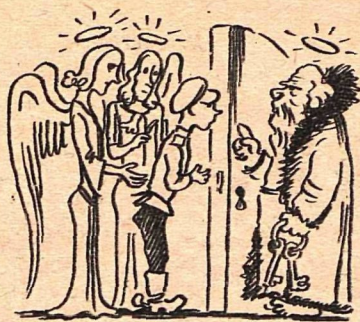
— Пошел я, значит, в очередь дежурити на наблюдательный пункт, и тама вдруг на летает неприятельский снаряд, и меня в один счет тем неприятельским снарядом убивает на месте. Вот, значит, меня убивает на месте, и в сей же секунд подхватывают меня два ангела под руки, несут на небо и становятся против самых райских врат. Ну, конечно, сейчас же выходит апостол Петр и спрашивает: «Что такое за шум, кто пришел?» Я ему говорю: «Так и так, сего числа убитый на наблюдательном пункте младший фейерверкер шестьдесят четвертой артиллерийской бригады, первой батареи, Лепко явился до вас в рай». Он на меня посмотрел со всех сторон и говорит: «Иди обратно: мы таких, как ты, муров в рай не принимаем». «Что это за такое—«муров»? Как это может быть, что вы не принимаете? Новое дело! Не имеее права! Когда я шел на действительную службу, нам батюшка говорил, что тот солдат, который службу свою аккуратно справлял, до своего непосредственного начальства имел уважение и потом погиб в доблестном бою за веру, царя и отечество,— тот солдат, безусловно, сразу принимается до вас в рай. Какой может быть вопрос?» А он меня все-таки не хочет пускать и говорит: «Я ничего не знаю. Я пойду сейчас доложу господу богу. Пусть, как он скажет». Хорошо. Вот апостол Петр пошел до бога, возвращается назад и говорит: «Можно. Господь бог говорит, что если который солдат действительно службу свою аккуратно сполнял, до своего непосредственного начальства имел уважение и потом погиб в доблестном бою за веру, царя и отечество,— тот солдат, безусловно, сразу принимается до нас в рай. Заходи, пес с тобой! Только сапоги вытери, а то у нас чисто». Я, значит, вытер сапоги об траву и захожу в рай. Ну, конечно, какой из себя рай,—известно: безусловно, чисто. Сметья под ногами нет. А под ногами есть то самое синее небо, которое, если посмотреть от нас с батареи, то приходится сверху. А оттуда обратно: как раз внизу. Такая вещь.

При этих словах Лепко посмотрел вверх. Следом за ним посмотрели задумчиво вверх и все остальные. Голубой купол майского неба закрывал землю. Солнце садилось за неприятельским расположением. Огненная пыль висела в воздухе. И сквозь эту слепящую пыль нежно светлела на горизонте рыба ко-сточка—развалины сморгонского костела.

Ух, как памятен мне этот майский полеский вечер!

— Начал я, значит, ходить по раю,—продолжал Лепко, бросив озорной взгляд на фельдфебеля.— Гуляю час, гуляю два, гуляю три. Вокруг ходят разные прозрачные ангелы. Ничего. Только вдруг захотелось мне страшно-ужасно кушать. Ничего нет смешного, А как вы думаете? С самого утра ничего не ел. Выхожу: идет мимо меня какой-то ихний архангел с югненным тесаком—видать дежурный по раю—чи Гавриил, чи Михаил.

— Если с тесаком,— значит, Михаил,— сказал дискантом цыган Улиер.

— Нехай Михаил. Вот я ему и говорю: «Слушайте: у вас тут какой-нибудь паек выдают? Бо я сильно-таки голодный». А он мне говорит: «Что вы, что вы! Какой вы необразованный солдат. Тут у нас не земля, а рай, и никто не кушает, потому что вокруг — вы видите? — одни только бесплотные духи, то же самое сказать — прозрачные». «Ну, я там не знаю, что за бесплотные духи. Очень может быть. Только я, лично, хочу кушать. Не могу терпеть». «Не полагается». «Как это «не полагается»? Ничего не знаю. Веди меня до господа бога». «Хорошо». Приходим мы до самого ижего бога. Ну, конечно, какой из себя бог,— известно: сидит на таком вроде троне, и вокруг него кущи. «Что такое за шум? — спрашивает. — В чем дело?» Я ему говорю: «Так и так, не дают кушать, в чем дело?» А этот самый чи Михаил, чи Гавриил ему докладывает: «Это есть тот самый младший фейерверкер Лепко с первой батареи шестидесят четвертой артиллерийской бригады, который в доблестном бою пострадал за веру, царя и отечество». Бог спрашивает: «Солдат справный?» Я ему отвечаю: «А как же? Я службу свою акуратно по уставу сполнял, до своего непосредственного начальства всегда имел уважение. Даже фельдфебель могут подтвердить. А если вы мне не будете давать какую-нибудь пищу, тогда я лучше ужою из вашего рая. Ну его к чорту с таким делом!» Бог подумал, подумал и говорит: «Раз солдат справный, службу по уставу сполнял, до своего непосредственного начальства имел уважение, за веру, царя и отечество пострадал в доблестном бою, тогда ничего не попишешь. Дайте ему кушать». Тут дали мне полный бачок жареного мяса, полбуханки белого хлеба и кипарисовую ложку.

Пошел я себе в сторону, сел под райским кустиком и как следует пообедать, а потом лег спать. Только я лег спать, как этот меня будит, чи Гавриил, чи Михаил: «Эй, солдат! Вставай! У нас в раю спать не полагается. У нас в раю находятся бесплотные духи. Они никогда не спят». «А ну вас всех к чорту! Веди меня до бога». Обрато приходим до бога. «Что такое за шум? — говорит. — В чем дело?» «Солдат спать хочет!»

Лепко рассказал, как бог подумал, подумал и позволил ему спать. Потом, выспавшись, Лепко захотелось курить, и как архангел не позволил, и как опять ходили до бога, и как бог обрато подумал, подумал и велел выдать восьмушку махорки «Тройка», газету «Русское слово» и две коробки спичек Лапшина: «Нехай курит, чтоб дома не журились».

Лепко рассказывал подробно, обстоятельно, не торжась, изредка сплевывая и крутя на груди револьверный шнур свекольного цвета. Фельдфебель хмурился, хмурился.

— А где же тут за меня? — наконец, спросил он с напускной небрежностью. — Что-то я того не замечаю. Слушаю, слушаю...

— За вас сейчас будет, Капитон Иванович, — быстро сказал Лепко. — Это есть анекдот довольно длинный, часа на полтора — два. Вот, значит, выкурил я две хорошие скрутки из махорки «Тройка» и газеты «Русское слово» и вдруг замечаю, что мне сильно необходимо до ветру. Побежал я по раю искать, где это находится. Бегаю, бегаю и ничего такого не вижу. Ну что тут делать? Подходит до меня этот самый чи Михаил, чи Гавриил: «Ты чего, солдат, бегаешь?» «До ветру хочу». Он даже рассердился: «Да ты

что: с ума спятил? Здесь все-таки рай, а не бог знает что!» А я прямо-таки чуть не плачу: «Веди меня скорее до бога». Приходим. «Что такое за шум?» Архангел докладывает: так и так. Бог подумал, подумал и говорит: «Нельзя». «Как это «нельзя»? — кричу я. — Как это может быть «нельзя», когда я уже больше не имею возможности?» «Вот как себе хотите». «Что такое, на самом деле! Кушать дайте, а до ветру не разрешаете! Тогда пустите меня назад в часть!» Бог обрато подумал, подумал и говорит: «Раз солдат справный и пострадал за веру, царя и отечество в доблестном бою, тогда, поскольку мы ему действительно давали кушать, ничего не попишешь. Можно. Только ответите его подалше». Отвел меня архангел на сто шагов в сторону, выбрал тихое место за райскими деревцами, вынул свой огненный тесак и вырезал в небе акуратный такой кружок. Небо там, знаете, синее, твердое, вроде стеклянное или, лучше сказать, фарфоровое. «Валая», — говорит. А я посмотрел вниз, на землю, и отвечаю: «Слушайте: извиняйте, но здесь я не могу. Вырежьте мне очко в другом месте». «Почему такое?» «А вот смотрите». Архангел посмотрел вниз, а внизу, акурат под нами, как раз самая наша батарея и скамеечка, и на скамеечке как раз вы сидите, Капитон Иванович. «Видите?» — спрашиваю архангела. «Ну вижу», — говорит. — Так в чем дело?» «Не могу я позволить себе такое свинство над господином фельдфебелем. Господин фельдфебель всегда меня любил, в наряды меня не в очередь не посылал и сказал, что на той

неделе меня непременно в отпуск отпустит, домой, на побывку». А этот чи Гавриил, чи Михаил махнул только рукой и говорит: «Ничего. Валая. Не стесняйся. Все равно не отпустит. Брешет».

И едва успел Лепко произнести последние слова своей длинной сказки, как воздух страшно рвануло и четыре взрыва, как четыре черные земляные дерева, медленно выросли впереди батареи.

Спотыкаясь, падая и срывая на бегу с елок белье, бежали батарейцы к своим блиндажам. Вдалеке ударили четыре слабых орудийных выстрела, и почти в ту же секунду бурей налетели четыре новых восьмидюймовых снаряда и разорвались за батареей, обдав батарею ливнем черной земли.

Следующие четыре снаряда разорвались на самой линейке. Вверх полетели щепки, куски дерна, елки, ведра, рубахи. Но мы уже сидели на нарах в блиндажах, с ужасом прислушиваясь к потрясающему свисту неприятельских снарядов, бушевавших сверху. Стены шатались, ползли. Ручьи сухой пыли бежали по стенам. Куски земли завалили маленькие окошечки. В блиндажах стоял удушливый зеленоватый сумрак. Мы молчали, подавленные. Мы боялись взглянуть друг на друга, боялись пошевеливаться. Нам казалось, что малейшее движение может навлечь мгновенную смерть. Вместе с тем мы понимали, что случилось. Случилась очень простая вещь.

Мы остерегались неприятельских самолетов, но совершенно забыли о змеиных аэростах. Одна такая «колбаса», выставленная неприятелем за Сморгонью и незаметная в огненной пыли заката, обнаружилась нашу батарею, увешанную бельем.

Я не знаю, какая сила в мире могла нас спасти!

Свыше сорока минут восьмидюймовая батарея противника на совершенно точном прицеле буквально уничтожала нас с методичностью сверхчеловеческой, зверской.

Несколько сот десятипудовых снарядов превратили нашу батарею, наш прелестный уголок с шашечными столиками, скамеечками, клумбами и дорожками в совершенно черное, волнистое, вспаханное поле.

В могильном сумраке блиндажа нам казалось, что прошло несколько суток.

И вот, когда мы уже думали, что этому аду никогда не будет конца, вдруг наступила полная, глубокая, блаженная, ангельская тишина. Мы подождали пять минут, десять минут и, наконец, осторожно, один за другим стали выбираться из земли наверх.

Резкая, оранжевая полоса зари плыла в глазах.

Мы были почти совсем глухие. Мир вокруг нас плыл в нестерпимой тишине. Но вот звуки стали возвращаться. С густым жужжанием пролетел майский жук.

Свежий ветерок уносил вонь жженого гребня, удушливо вышолзавшую из горячих воронок, покрывавших все пространство батарей. Сильно потянуло холодным, эфирным запахом рваных листьев и хвои. Тогда мы стали выяснять потери, но оказалось, что потерь нет. Не было не только убитых или раненых не было даже контуженных. Были только оглушенные, но они приходили в себя. Ни один снаряд не попал в блиндаж с людьми или в орудие. Два снаряда попали в блиндаж телефонистов, но он был пуст: телефонисты, игравшие в «скракли» далеко в поле, не успели добежать до своего блиндажа и укрылись в чужом. Блиндаж телефонистов был совершенно разбит, но с поломанной потолочной балки каким-то чудом висела совершенно не тронутая взрывами, целенькая керосиновая лампа под круглым жестяным абажуром — гордость независимых и богатых телефонистов.

Некоторое время мы не знали, что делать, и в нерешительности сидели на земле, вытирая рукавами потные лица с черными носами и ушами.

Вдруг дежурный по батарее младший фейерверкер Лепко вскочил, поправил фуражку, обернулся и закричал:

— Встать, смиренно!

Он увидел командира бригады. Генерал-майор Алешин шел в сопровождении адъютанта по исковерканной земле к батарее. Генерал оставил свой кабриолет на шоссе. С шоссе батарея, вероятно, казалась полностью уничтоженной. Его лицо было белее мела. Губы тряслись. Он спотыкался, иногда скрытый землей по груди, иногда поднимаясь на насыпь так, что были видны целиком все хромовые сапоги с маленькими шпорами.

Когда он приблизился на должное расстояние, младший фейерверкер Лепко, с рукой под козырек, стремительно ринулся к нему, как вкопанный остановился за четыре шага, стукнул большими медными шпорами, отбросил левую руку ковшиком назад, выставил грудь настолько, насколько вобрал живот, и лихим отрывистым бабым голосом крикнул так, что в далеком лесу отозвалось эхо:

— Ваше превосходительство! Первая батарея шестидесят четвертой вверенной вам бригады. Дежурный по батарее — младший фейерверкер Лепко. Во время дежурства никаких происшествий не случилось!

И отскочил в сторону, пропуская генерала.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

Новый календарь

МОГУЩЕСТВЕННЫЙ Мехмед-Али-Мирза, шах персидский, ласково глядел на моего дедушку.

Но старик, видимо, не обращал на это никакого внимания. Дедушка небрежно посмотрел на французского президента в штатском и взял с полки молоток и гвозди. В одно мгновение гвоздь впился в пространство, отделяющее российского царя от турецкого султана.

Так в нашей квартире появилось небывалое украшение. Над старым пузатым комодом, на котором стояли два медных подсвечника и круглый, давно бездействующий будильник, засверкал новый календарь. Это был отрывной численник, на блестящей стенке которого сидело не меньше двадцати штук разных царственных особ, включая красивую женщину — королеву голландскую.

На первом листочке я увидел большую единичку. Дедушка сказал:

— Сегодня Новый год.

Я считал себя в ту пору человеком пожизненным, умудренным опытом. Мне шел девятый год. Но я не понимал двух вещей.

Почему, во-первых, на стенке календаря нет такой высочайшей персоны, как наш исправник, который даже тогда, когда ходил пешком, держал нагайку в руке?

И, во-вторых, если Новый год — это праздник, то почему сегодня трезвы и Кузьма-бондарь и Залман-извозчик?

Это были два приятеля, которые вместе справляли все праздники: и христианские и иудейские. Залман всегда был навеселе в день сорока мучеников, а Кузьма, безмерно радуясь исходу сынов Израилья из Египта, считал своим долгом в дни еврейской пасхи налегать на пейсаховку.

Вскоре пришел ко мне Федька Козел, мой закадычный друг, и рассказал мне, что сам, сй богу, видел, как вчера, вечером, на пролетке ехал пьяный прокурор и что в гимназии на большую елку, вот лопни мои глаза, нацепили горящие свечи.

Отсюда я сделал вывод, что Новый год — это праздник, но веселиться в этот день разрешается только господам и гимназистам.

Я обул дедушкины валенки и вышел во двор. У нас самый роскошный двор в городе Лакерице. Здесь в маленьких низеньких домиках живет семнадцать семейств.

Все ребята нашего двора ходят в одну школу. Но вот уж третий день, как заболел бронхитом учитель. И мы целый день носимся по двору, как черти.

Весело у нас во дворе!.. Но сегодня я тут узнал новость, которая сразу омрачила душу. В мою жизнь ворвалось большое горе, заставившее меня на долгие годы помнить о 1 января 1907 года. Каждый день, рано поутру, дедушка бережно срывал листок с численника — менялись цифры и картинки, но в памяти всегда вставал первый листок.

В тот день я потерял близкого мне человека. Всем своим детским горячим сердцем я любил Айзика-ковалья. Я любил Айзика за его скорбные глаза и веселый характер, за широкие, могучие плечи и огромные кулаки, за смелость и отвагу. Мне казалось, что молодой лакерицкий богатырь, очень похож на Бову-королевича и Алешу Поповича.

У нас во дворе жили сапожники — братья Егор и Степан. К ним часто приходил Айзик-коваль. Мне нравилось бывать у сапожников. Я смотрел, как братья с невероятной быстротой вколачивают гвозди в подметки, я слушал их грустные песни про Сибирь-каторжные работы. Тут, у сапожников, я познакомился с Айзиком и полюбил его на всю жизнь.

И вот я узнал, что Айзика не стало. Ночью его забрали в полицию, а затем отправили в острог. Рассказывали, что сам исправник мучил его и хлестал нагайкой.

Я впервые в жизни рассердился на полицию, на всех исправников, царей и на королеву голландскую. Вне себя от гнева я вскочил в дом, схватил столовую вилку и ткнул ее в стенку календаря. Я угодил сразу в два лба: королю сямскому и шаху персидскому. Вечером меня поропили..

Впоследствии я понял, какая дорога привела Айзика-ковалья в тюрьму.

В Лакерице, за городом, на выгоне, жили кузнецы. Это были странные люди, непохожие на других мирных жителей нашего тихого города: они говорили басом. Это было шумное племя неучей, грубиянов и крикунов. Еще отличались они от наших мирных жителей своим неистощимым здоровьем.

— Я не знаю, как у этих невежд открываются двери, — обиженно говорил старый гродской фельдшер Поляков, который только чахоточных считал настоящими интеллигентами.

В этом племени ковалей выросло могучее и дикое дитя — Айзик. Городских ребят, погнавших на выгон, он ловил и избивал до крови — так просто, для забавы. В шестнадцать лет забавы у Айзика приобрели более осмысленный характер: он охотился за «сицилистами».

Через выгон шла дорога в роццу. Сюда, в роццу, революционная молодежь города ходила на массовки. Айзик устраивал засады, ловил парней и был их смертным боем. При этом кричал:

— Ага, вы против царя!..

Почему Айзик-коваль так заступает за Николая Второго, никто понять не мог. Ду-

мается, что и сам Николай Второй, узнав об этом, был бы несказанно удивлен.

В комитете решили: надо сделать Ковалья «сознательным» и вовлечь его в «движение». Эта высокая и опасная миссия была поручена двум братьям-сапожникам — Егору и Степану.

Подробности неизвестны. Известно лишь, что, не потерпев никакого членовредительства, братьям удалось войти в доверие к этому дитяти природы. Постепенно они его убедили в том, что царей надо не защищать, а свергать. Дитя природы согласилось даже войти в кружок, но поставило условие:

— Чтоб никакой литературы. Но если надо кого-нибудь бить, поручайте мне.

У этого человека была душа. И она проснулась. Это, может быть, было очень тяжелое и мучительное пробуждение. Но сильна и прекрасна мечта о братстве людей, о социализме — Айзик все более начал понимать, о чем шумит роцца, почему благоухают цветы на поляне, зачем мехи раздувают огонь в кузнице его отца.

И коваль, который еще не так давно чувствовался книжечкой, начал много читать, порой с величайшим трудом осваивая строки новой для него мудрости. Он даже написал стихи — о ветре, разговаривающем с березой, — нежные, лирические, очень плохие стихи.

Он весь переменялся, Айзик-коваль: в глазах его появилась тонкая грусть, он стал разговаривать с людьми мягко и даже нежно.

В ту памятную новогоднюю ночь он шел по Кривой улице и тихо напевал. Он столкнулся на тротуаре с полицейским приставом Бушмой. Что-то между ними произошло. Бушму отвезли в больницу, Айзика — в тюрьму.

Хорошие, незабываемые страницы далекого детства! Я услышал их живой шелест в морозную ночь под звездами родного города.

В прошлом году я впервые за последние тридцать лет приехал в Лакерицу. Был канун Нового года. И в ту ночь мы бродили вместе по улицам Лакерицы, я и Айзик.

Это было как в повести. Оказывается, вот уж долгие годы мы живем почти по соседству в большом городе. Мы вместе бывали на одних и тех же собраниях городского партактива. Посещали одни и те же премьеры в театре. У нас даже были общие знакомые. Но мы не знали друг друга.

Случайно в один день мы приехали в Лакерицу. Случайно встретились. И во второй раз познакомились. Он был крупный хозяйственник — директор мельничного треста.

Я вспомнил дедушкин календарь с королями, выгон, кузницу, роццу и любимого богатыря.

Я ничего не сказал Айзику. К чему сантиментальные воспоминания? Лакерица живет сегодня по новому календарю.

Мы шли молча, изумленные и радостные. В городе было много елок, много света и песен. И звезды на небе казались елочными украшениями, которые дед-мороз навесил для всех нас, для детей и взрослых.

Мой спутник прервал молчание. Он начал читать стихи:

«Дитя, пора та далека,
Навек мертва, остыла!
В былое глядим
И в нем мы зрим
Унылый призрак, бледный дым...»

— Откуда это? — спросил я директора мельничного треста.

— Шелли..

Я лег спать под утро. Проснулся поздно стал вспоминать: что-то мне снилось очень смешное и глупое.

Я вспомнил.

Это был могущественный Мехмед-Али-Мирза, шах персидский.

Г. РЫКЛИН.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Рис. Д. Дубинского

НОВЫЙ ГОД: — Дедушка, на чем мне поехать, чтобы не опоздать?

СТАРЫЙ ГОД: — Иди лучше, милый, пешком.

Встреча

Торопясь, шагая полным ходом
По полям, дорогам и лесам,
Старый Год на встречу с Новым Годом
Шел, спеша к двенадцати часам.
Между елью и сугробом снега
Встреча и беседа их была.
Старый молвил:

— Здравствуйте, коллега!

Разрешите передать дела.
Все мои пути, маршруты, тропы
Четко здесь отмечены сполна.
Вот вам карта Западной Европы.
По секрету доложу: война!
Новый хмурится, на карту глядя,
Сдерживает сильный гнев с трудом:
— Что ж вы это натворили, дядя?
Тут у вас Гоморра и Содом!

— Но, коллега...

— Не лгу вам слова!

Сколько вы наделали хлопот!
Вижу, вас, как школьника плохого,
Надо на второй оставить год.
Вы зажгли войны свирепой пламя,
Вы втянули целый мир в беду.
До свиданья. Разбирайтесь сами.
В сорок первом я опять зайду.
Старый чувствует сердцебиенье,
Даже лоб его от страха взмок.
Говорит:

— Войдите в положение...

Что же я поделывать с ними мог?
Вы невинны благородны, чисты,
Вы на все взираете шути.
Что такое империалисты,
Вы еще не знаете, дитя!
Так покиньте вашу колыбельку
И молочный бросьте-ка рожок!
Поживите среди них недельку,
То-то вы наплатитесь, дружок!
Познакомьтесь с этим «антуражем»,
Прежде чем, используя свой чин.
Обвинять работника со стажем
Жертву объективнейших причин!
Я ли не глядел за ними в оба,
Я ль не усмирить пытался их...
Но они, во-первых, твердолобы.
И капиталисты, во-вторых.

— Виноват, наврал в формулировке.
Ясно, что в капитализме — суть.
Ну, а впрочем, от перестановки
Сумма не меняется ничуть.
Результаты все одни и те же,
Значит, надо крепче поднажать.
Вы сильны! Вы молоды! Вы свежи!
Стыдно вам от трудностей бежать!
Соберите все терпенье ваше.
Рано подводить еще итог.
Есть страна, которая все краше
Ширилась за мой отчетный срок.
Там весной чудеснейшие всходы,
Дети там, как яблонки, цветут.
Там не только вузы и заводы,
Но и люди с каждым днем растут.
Я там поработал. Даже больше:
Я расширил славу их земли.
Знайте: нет проклятой панской Польши.
Два народа счастье обрели.
А сейчас позвал на помощь третий
За черту своих былых границ.
Эту помощь диким воем встретил
Хор шутов, мерзавцев и убийц.
Зоркость! Если банде их отпетой
Даст отпор Советская страна,
Будьте с нею, потому что это
Будет справедливая война.
И, великим двинувшись походом,
Каждый танк, боец и командир
Понесут трудящимся народам
И освобождение и мир!

Между елью и сугробом снега
В ночь на первое на января
Новый молвил:

— Виноват, коллега,

Вижу, я погорячился зря.
Я благодарю вас. Я поверил:
Большого не сделал бы никто.
Там, где правят люди, а не звери,
Вы работали на все на сто.
Я вам смена! Помогать Светам
Буду я и в стройке и в бою
И сейчас торжественно вам в этом
Слово пионерское даю!

НИКОЛАЙ АДУЕВ

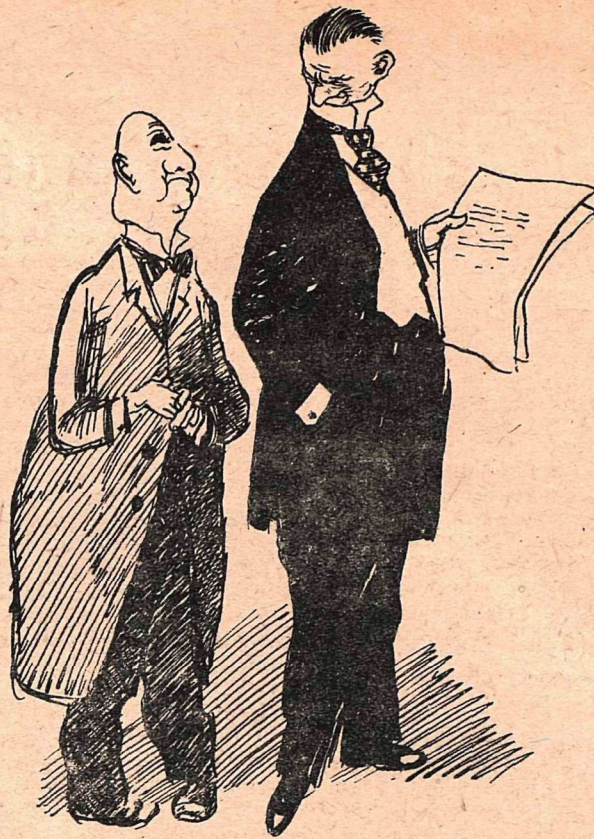

Рис. М. Храпковского

СРЕДИ БЕЛОФИНСКИХ «МИНИСТРОВ»

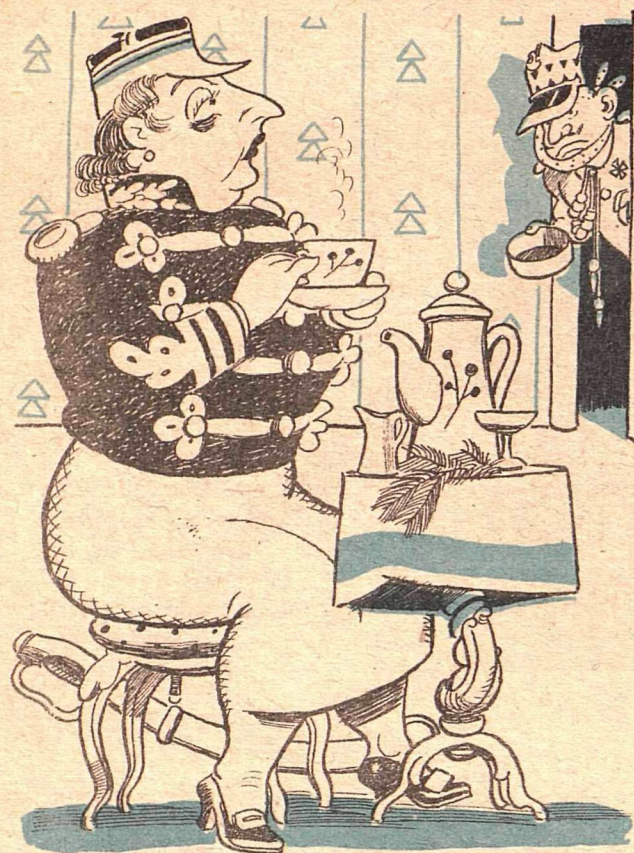
- Продали?
- Что?
- Отечество!
- Ну, продали.
- Получили?
- Что?
- Задаток.
- Ну, получили.
- Так надо быть честным и не отступать...
- Но мы вынуждены отступать...
- Я говорю: не отступать от принятых решений.

Рис. К. Ферстера (город Львов)

ЗАСЕДАНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ БАНКЕ

— Господа, мы должны серьезно взяться в наступающем году за борьбу с уменьшающимся количеством рождений, иначе некому будет за нас умирать.

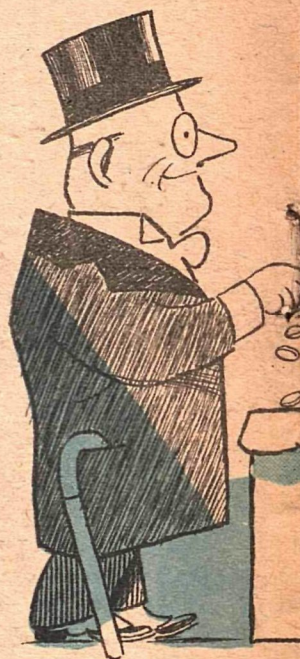
ПОЛЬСКИЙ „ПРАВИТЕЛЬ“ (Франции) — Оставьте хоть гущу! Погадаю, что нас ждет.

РАЗ В КРЕЩЕНЕ

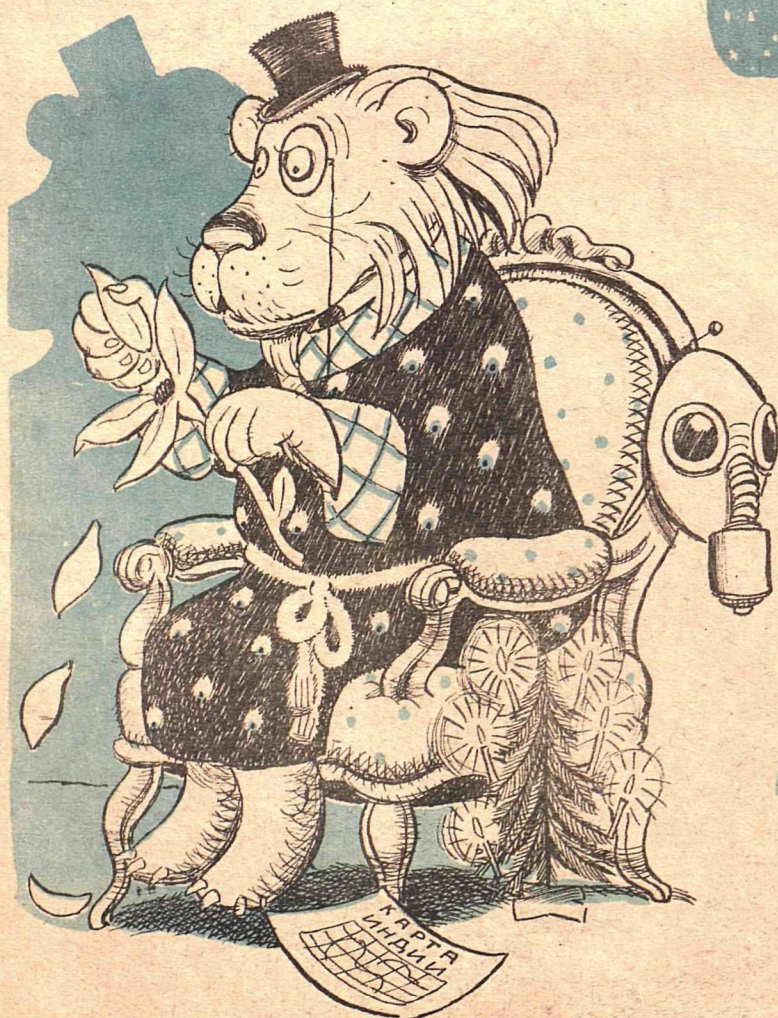
НОВОГОДНИЕ ГАДАНИЯ В КАПИТАЛИЗМЕ

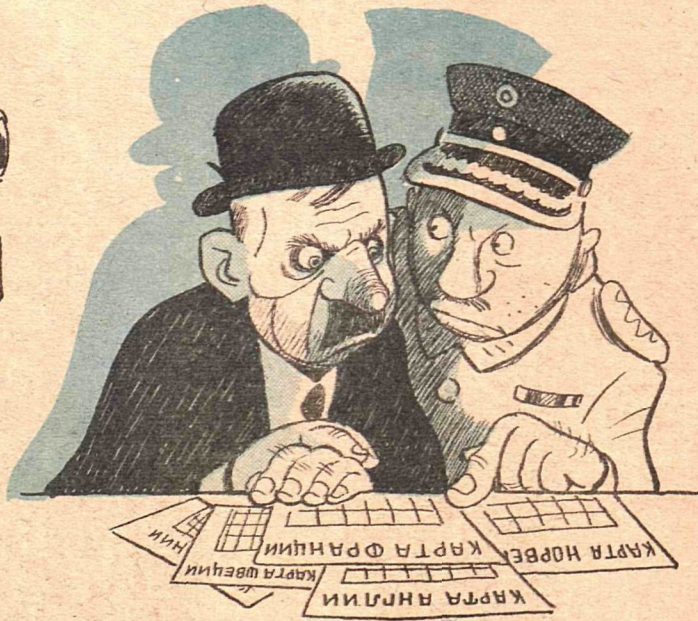
ГАДАЛКА (Маннерейму): — Линия, родимый, прерывается!.. Видно, недолго жить осталось.

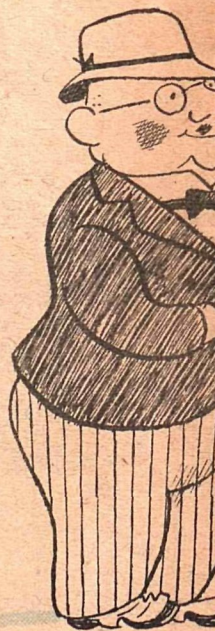
СОТРУДНИК „ЗЕТЫ“ (капиталист)

БРИТАНСКИЙ ЛЕВ (гадает на индийском лотосе): — Любит, не любит; плюнет, поцелует; к сердцу прижмет, к чорту пошлет!

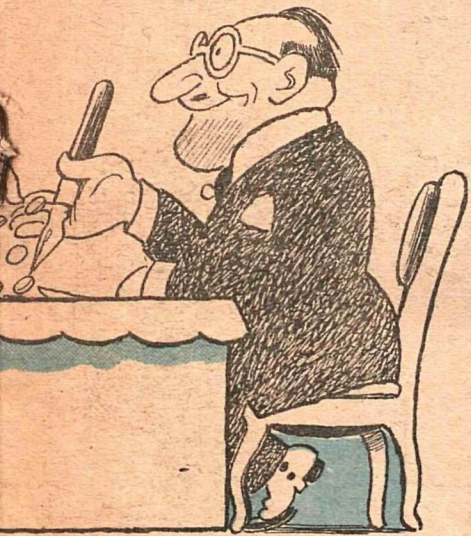

БЕЛОФИНН (гадает на картах): — Куда бежать?

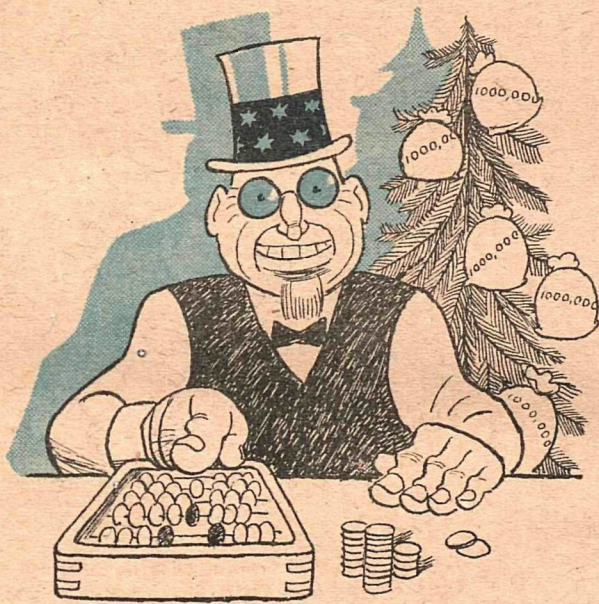

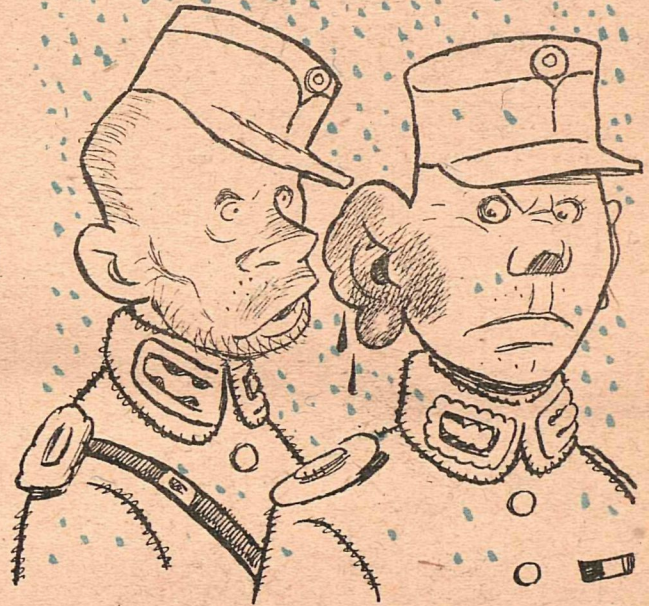
МАЛЫЕ НЕЙТРАЛЬНЫЕ СТРАНЫ: — Интересно посмотреть: на чью мину наскочим?

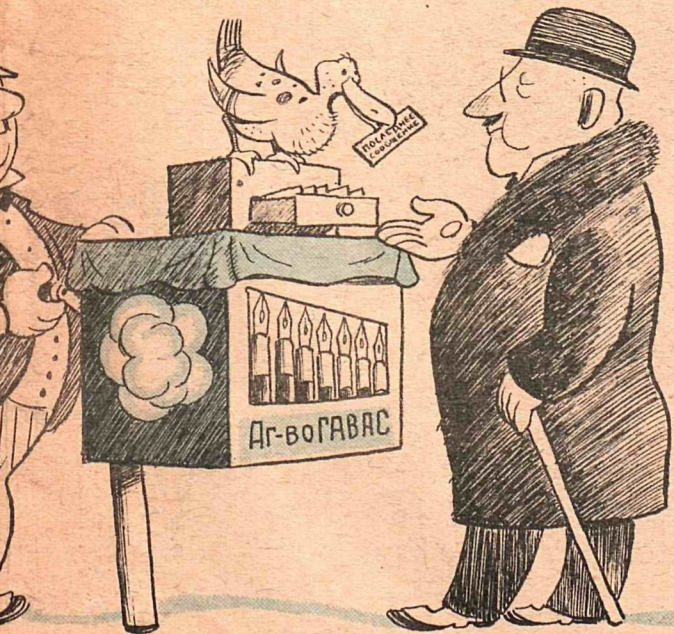
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ" ГА-
ту): — Позолоти, милый, ручку!

ДЯДЯ САМ: — Мне не важно,
что меня ждет. Мне важно —
сколько!.

ШЮЦКОРОВЕЦ (шюцкоровцу): — А я
знаю, в каком ухе у тебя звенит!

Последние новости

ПОЛИЦИЯ (коммунисту): — Ваше имя?

ЮГСКФ 39

Рис. Л. Сойфертиса

— Как мы рады! Вы будете лучшим украшением на нашей елке!..

Клинический случай

КАК известно, люди опаздывают, а Новый год — никогда. Он приходит точно, секунда в секунду, строго следуя предсказанию «явка без опозданий».

Итак, Новый год приближался. Между тем молодой инженер Костя Веревкин окончательно и бесповоротно опоздал на новогоднюю встречу.

Перед ним открывался большой выбор места встречи: он мог пойти в семью приятеля Востроносова, звали Галушкины и Нефедовы. Наконец, можно было прекрасно провести праздничную ночь в инженерном клубе.

Но чем больше намечалось всяких перспектив, тем труднее было решить: куда ж идти? Веревкин размышлял до одиннадцати часов вечера. В четверть двенадцатого он все еще не решил, а в половине двенадцатого махнул рукой:

— Поздно! Самое лучшее — лягу-ка я спать. Но и это намерение осталось невыполненным. Спать он не лег: мешало какое-то необычайно острое ощущение одиночества. И захотелось вот сейчас, немедленно, услышать живой человеческий голос, пожелать кому-нибудь нового счастья в наступающем году. Он схватил трубку телефона и задумался, соображая, кому позвонить. В голову пришла шальная идея:

— Наберу номер, какой наберется случайно... На счастье!

Не глядя на диск, он повернул его шесть раз.

— Клиника, — спокойно произнесла трубка. Голос показался Веревкину весьма симпатичным и явно принадлежащим женщине.

— Простите, — сказал Веревкин, — а кто у телефона?

— Дежурный ординатор, — мелодично ответила трубка.

Между тем круглые стенные часы торжественно начали бить двенадцать ударов.

— Простите, — сказал Веревкин, — одну минуточку... Вы слышите: бьет двенадцать...

— Слышу.

— Позвольте поздравить вас, товарищ ординатор, с Новым годом, с новым счастьем! Трубка ответила:

— И вас также. И это все? Или у вас есть дело?

— Собственно говоря... (Веревкин, замаялся.) Да, разумеется, есть дело.

— Я вас слушаю.

— Дело в том, товарищ ординатор, что у меня произошла большая неприятность: я никак не выбрался и вот под Новый год сижу один, как перст...

— И от нечего делать позвонили в клинику?

— Боже сохрани! Чего бы ради я звонил вдруг в клинику! Я, видите ли, здоров как бык...

— Если не вижу, то во всяком случае слышу, — добродушно согласилась трубка. — Но как же все-таки вы попали сюда?

— Простите, товарищ ординатор, может быть, я оторвал вас от работы?

— Нет, пожалуйста. Я сижу одна и скукаю, как и вы. Только с той разницей, что если бы не дежурство, я бы не сидела одна. Ну-с? Как вы сюда попали?

— Очень просто. Захотелось с кем-нибудь поговорить, а звонить некому. Я набрал номер, не глядя. Но, пожалуйста, не стесняйтесь, если мешаю...

— Нет, пожалуйста. Отчего же!

— Сердечное спасибо! — горячо сказал Веревкин. — Стало быть, вот вы кто — ординатор клиники?

— Совершенно точно. Ординатор хирургической клиники.

— А я инженер-электрик. Вот, значит, как! Два человека встретились запросто, чтобы разделить одиночество!

— Ну, что ж! — согласилась трубка. — Милости прошу, присаживайтесь, будьте как дома. Сейчас я вам вкратце опишу этот дом.

— Пожалуйста, я весь внимание.

— Итак, вообразите большую белую комнату. Я сижу на кожаном диване у стеклян-

ного столика. Все белое, чистое. На мне белый халат... Признаться, это первый случай в моей практике — прием новогоднего визитера в клинике по телефону!

— А ваша практика, — осторожно закинул Веревкин, — она насчитывает много лет?

— О! Уже два года!

— Здорово! Ну, я старше вас: у меня уже пятилетний стаж! А скажите, сколько же вам лет?

— Что за нескромный вопрос!

— Простите, дорогой ординатор! Я только хотел знать... Мне кажется, что вам значительно меньше восьмидесяти?

Трубка рассмеялась:

— Пожалуй. Но какое это имеет значение?

— Никакого. Но, видите ли, уже давно замечено, что в этом отношении лучше меньше...

— Разве вам не импонирует почтенный хирург семидесяти пяти лет?

— О! Импонирует! Очень импонирует! Но я очень скромный, с меня достаточно, если почтенному хирургу будет тридцать...

— А если только двадцать восемь, то это уже вам не импонирует?

— Импонирует, импонирует! — заорал испуганно Веревкин.

— Ну, хорошо. Знаете что? По вашему голосу сразу слышно, что вам очень далеко до ста лет!

— Да, но все же на пять лет ближе чем вам!

Оба разом засмеялись.

— Ну-с? — начала трубка. — С возрастом покончено. Вопрос ясен. Но вот что, любезный визитер. Я знаю, что вы инженер, что вам далеко до возраста ашуга. Но я не знаю, как вас зовут... Это непорядок: вломился человек в телефон и не называет себя!

— Ах, простите, пожалуйста!.. Разрешите представиться: Константин Ильич Веревкин.. Собственно говоря, Константин — ужасно длинно. Короче будет Костя. Костя Веревкин... Алло! Вы слышите?

Трубка молчала.

— Алло!

— Слышу, — наконец отозвалась она. — Дайте собраться с мыслями. Значит, Константин Ильич Веревкин?

— Костя...

— Из деревни Плющихи?

— Из Плющихи! Позвольте! — остолбенело сказал Веревкин. — Что за хирургия?! Как вы узнали? Разве я вам знаком?

— «Вы мне сосед!» Татьяна Михайловна Сулова — это длинно. А покороче — Танька Суслика помните?

— Танька Суслик?! Не может быть! — во весь голос рявкнул Веревкин. — Танька! Ты?! — Да! Вот так встреча! Сколько лет! А ведь когда-то мы с вами, Костя, вместе голубей гоняли... А потом вы уехали и исчезли...

— Чорт дер! А я слышу: какой симпатичный ординатор! А это Танька! Постой, где же ты сейчас?

— Как где? Здесь, в клинике, Красная улица, дом два.

— Красная улица?! Чорт дер! Но ведь я на Красной улице, дом восемь! Ай-яй-яй!..

— Значит, опять соседи!

— Слышите: что я делаю?

— Стучите ногами об пол.

— Хуже! Хлопаю себя по затылку! Ах, я дурак! Каждый день хожу мимо клиники и не знал, что в ней такой замечательный ординатор! Послушай, Таня, мы должны увидеться...

— Разумеется. Например завтра, в двенадцать, в...

Трубка неожиданно щелкнула, и голос оборвался.

— Алло! — нетерпеливо взывал Веревкин. — Алло!

Трубка молчала.

— Выключили! Вот тебе на! А я и номера не знаю...

Но вдруг лихорадочно вспомнил: — Красная улица! Дом два!

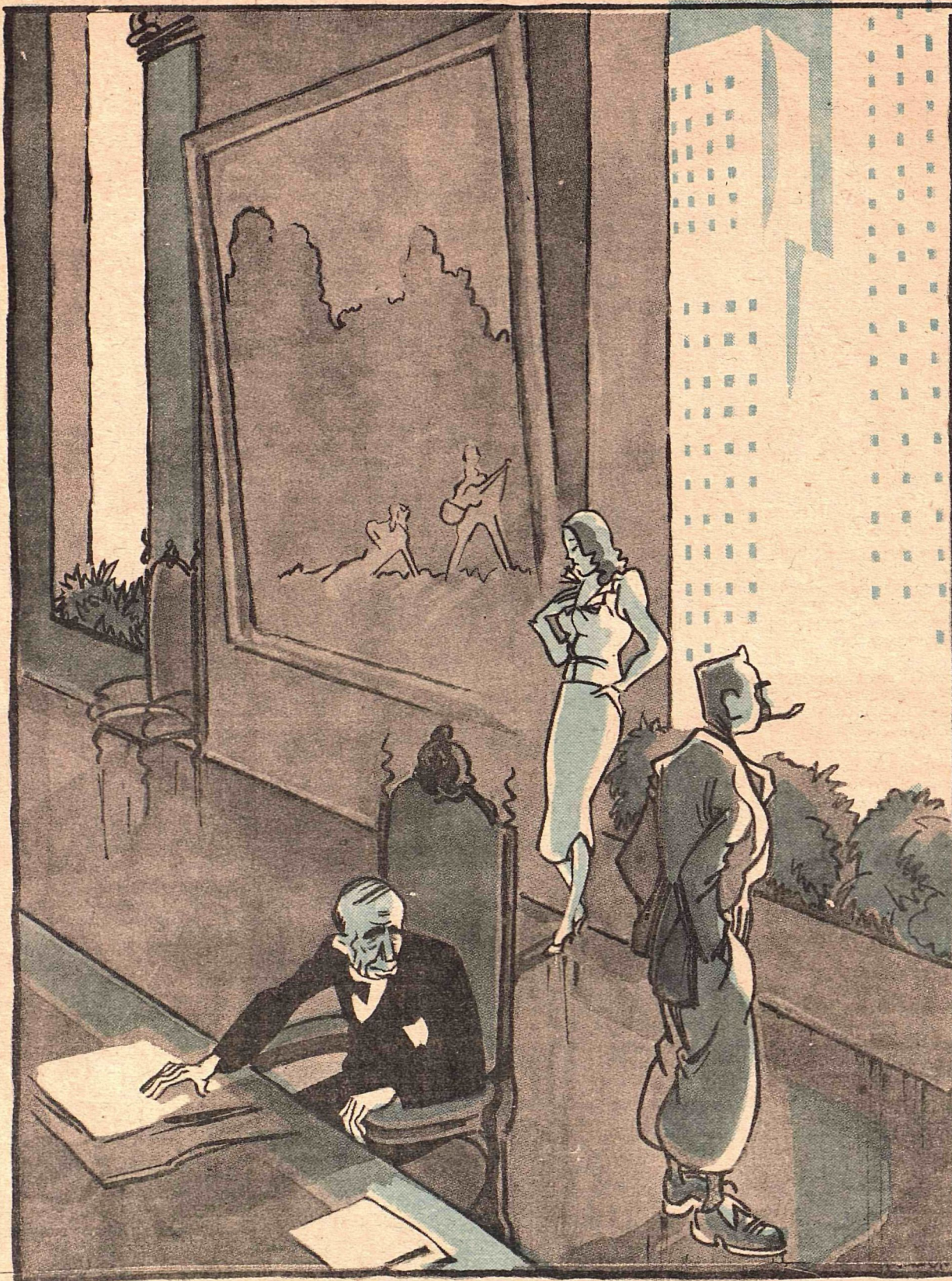
В следующую секунду он катился по лестнице, на ходу застегивая шубу.

Это происходило ровно год тому назад. А когда бывшему году исполнилось всего два месяца, в газете появилось объявление: «Меняем две комнаты в разных районах на две вместе...»

ИВ. ПРУТКОВ

— Финские офицеры вкладывают мины в каждый сугроб, в каждый дом, даже в домашнюю утварь.
— А деньги в эти мины вложил я...

— Не транжирьте, дети, деньги — берегите их на черный день. А вдруг кончится война в Европе!

В двенадцать часов

Я знал, что сын мой стрелки переставит,
И вот часы двенадцать бьют сипя.
Пока еще друзья меня поздравят,
Я, так и быть, поздравлю сам себя.
Итак, спешу себя поздравить с тем я,
Что к старости иду и неспеша.
Пусть с Новым годом глаже стало темя,
Напоминая бильярдный шар,—
Зато бунтует шевелюра сына—
Пяток расчесок за год извелось!
Пожалуй, здесь пластмасса неповинна
При столь высоком качестве волос.
Мой комсомолец, рослый и зубастый.

Приз получил на конкурсе чтецов.
Он гордо пред'являет новый паспорт,
И скоро вступит он в ряды бойцов.
Мы с сыном звонко чокнулись сегодня,
И он, вскочив во весь богатый рост,
Бокал за всех советских граждан поднял,
За родину провозгласил свой тост.
В эфире плыли радостные марши,
И песни— о единственной стране,
Где сын с папашей на год стали старше,
Но юностью блистают наравне.

В. ГРАНОВ

Веселый разговор

ЗАХАР Ильич Бубин пришел побриться. Настроение у него было приподнятое. Напевая какой-то мотив из оперетты, он улыбался и цвел. Мастер встретил его вежливо.

— Пожалуйста,— проговорил он, указывая на кресло.

Захар Ильич сел.

— Побрить позволите?

— Побрить.

Принесли прибор. Бубину хотелось побеседовать.

— Давно вас что-то не видно было,— начал он.

— В больнице продержали,— ответил парикмахер.

— Что с вами?

— Псих...

— Позвольте, что?

— Псих! Душевно помешанный то есть.

Бубин проглотил слюну. Он долго ничего не мог сказать, наконец с трудом выдал:

— А вы как будете?..

— Что?

— Буйно помешанный или тихий?

— Да больше, пожалуй, тихий.

— Как же вас обнаружили?

— Двух клиентов зарезал.

У Захара Ильича потемнело в глазах.

— С... Сс... Сколько? — заплетаясь голосом проговорил он.

— Двух.

Мастер подошел к Бубину и, подняв ему голову, стал водить бритвой по горлу. С Захара Ильича пот побежал градом.

— Насовсем? — спросил он.

— Что насовсем?

— Клиентов-то зарезал?

— Один жив. Только какой-то ненормальный стал.

Бубина пронизала дрожь. Слышно было, как лязгнули зубы.

— Ну а сейчас как, ничего?

— Сейчас ничего, иногда только находит.

— Находит все-таки?

— Находит.

Мастер отвернулся и с ожесточением стал точить бритву. У Бубина от страха глаза вылезли из орбит. Он вынул поспешно трешник, положил ее на стол и прямо в мыле выскочил из парикмахерской.

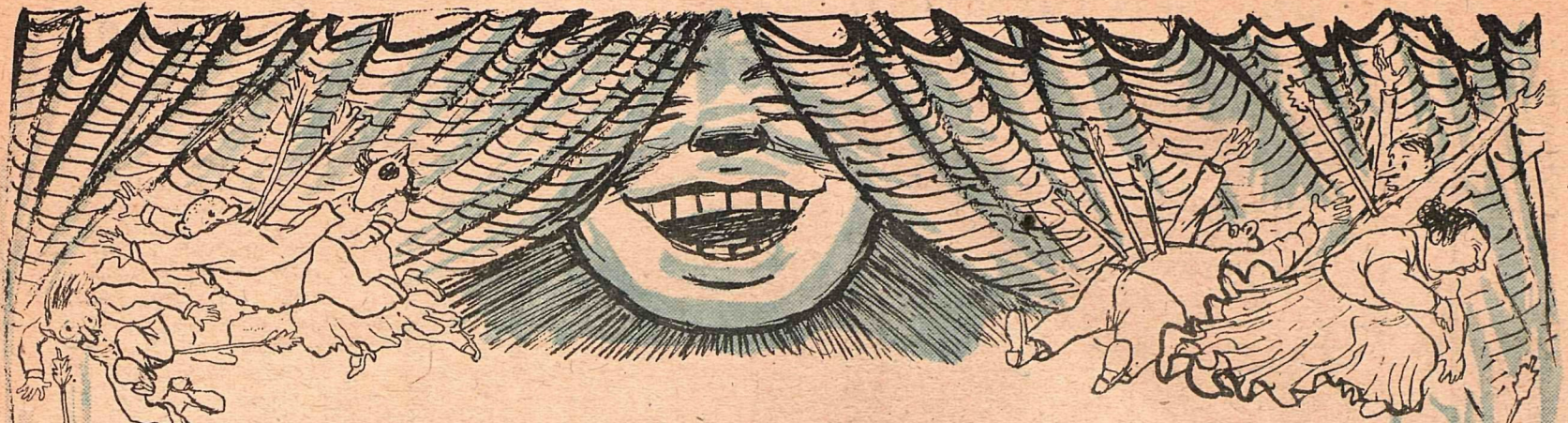
Мастер посмотрел ему вслед и пожал плечами.

— Псих какой-то,— проговорил он,— пошутить нельзя...— и обернулся к очереди:

— Следующий...

ГР. КУЗНЕЦОВ

(Очень смешное в
номере смотри на
стр. 23)

XV лет Московского театра сатиры

Жертва смеха

— «Эй! Зубоскалы и задиры!
Над кем смеетесь? И над чем?!
От надоедливой сатиры
Я изнемог уже совсем!

Довольно! Будет! Посмеялись!
Мне не до шуток в этот час!
Я обессилел, мне осталось
Негодование для вас.

К чему язвительные фразы?
Я не преступник, не злодей,
Чтоб сторонились, как заразы,
Неопороченных людей!

Одна печальная утеха —
Казнись, терзайся и болей!
Сатиры жертва, жертва смеха —
Я отменяю юбилей!

Чего обрадовались? Бросьте!
Я вас терплю пятнадцать лет.
Кричит душа, и стонут кости,
И возмущается скелет!

Вы на посмешище народу
Все выставляете меня.
И хоть прошел огонь и воду,
Но я не спасся от огня.

Я бюрократом заурядным
Был, сохраняя скромный чин.
Вы целым ящиком зарядным
В меня палили без причин!

Затеял «Склоку» — снова плохо:
Осмеян я в один момент.
И смех гремит на всю эпоху,
А я... я «Вредный элемент»!

Я обречен судьбою строгой,
Поругана святая честь...
Идете вы цветов дорогой,
И «Мелких козырей» не счесть!

«Простую девушку» полюбишь —
«Не хулиган ли вы?...», кричат.
Беда! Судьбу свою погубишь.
Дитя чужое мне вручат.

Но я не грохнусь на колени,
Как ни терзала б сердце боль,
Как бы меня ни мучил Хенкин,
И искажали Корф и Поль!

Вам смех да смех... А жребий
труден!

Судите, впору ль торжество:
В журнале и на сцене Рудин.
Ведь это сговор! Кумовство!

Журналом, сценой и экраном
Меня берете на прицел.
Избит, истерзан и изранен,
Но как бы ни было — я цел!

Пускай от центров до предместий
Ваш смех бесчинствует сполна!
С театром и с Москвою вместе
Пускай хохочет вся страна!

Пускай, пускай! Молчать не в силе,
Одну лелею я мечту,
Чтоб написали на могиле:
«Сгорел от смеха на посту».

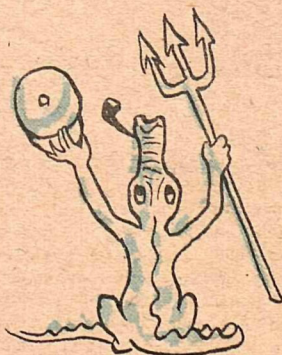
ОДНА ИЗ ЖЕРТВ

(Подпись неразборчива).

Р. С. Послание к юбилею
Я передать театру рад.
Пускайте в цель еще смелее
Свой сатирический заряд!

Не видя бедственных последствий,
Один я вывод сделать смог:
Побольше бы таких приветствий
Сатире в юбилейный срок!

КРОКОДИЛ

Последний крик французской моды по лучшим американским образцам.

Соседка

ЕСЛИ вы живете в коммунальной квартире со своими соседями душа в душу, считайте, что вам уже повезло в жизни. Если вы живете с ними худо, я бы лично не назвал вас баловнем фортуны.

Лида Пескова, телефонистка, по этой самой причине чувствовала себя, ну, просто несчастным человеком.

Ее соседкой была пенсионерка Пелагея Марковна. И Лида Пескова говорила, что скорей можно ужиться с тигром чем с этой старушкой.

Судите сами. Придет, скажем, к Лиде Песковой в выходной день в гости радиотехник товарищ Дынников. Посидят, поболтают, заведут патефончик. Ровно в двенадцать часов ночи Пелагея уже стучит своим кулачишком в стенку:

— Прекратите ваши симфонии! Дайте людям покой!

А утром встретит Лиду в коридоре и нарочно громко, чтобы все слышали, скажет:

— Гражданка Пескова, вы опять не давали мне спать. Я жаловаться буду куда надо. Разве вы не знаете, что громко целоваться после двенадцати часов ночи строго воспрещается?

Вот какая вредная старушка!

Поэтому, когда Володя Дынников предложил встречать Новый год в лидиной комнате, Лида Пескова согласилась не сразу.

— Вы же знаете, Володечка, — сказала она огорченно, — что моя прелесть все нам испортит.

— Кубатура у вас уж больно подходящая, Лидочка.

— Кубатура подходящая, зато соседка неподходящая. Мы: «С Новым годом, с новым счастьем», — а она в стенку кулаком. Вот тебе и новое счастье!

— Может, она утащится куда-нибудь?

— Никуда она не утащится. Она же ужасно одинокая старуха.

— Неужели никого нет у нее?

— Внук есть. Живет где-то в Сарапале. Переводит ей переводы, и все.

— Вот чего, — подумав, сказал Володя Дынников. — Придется вашу ведьму пригласить в нашу компанию. Пай с нее можно не брать. Сколько она там наест, напьет? Чуть побольше воробья! Зато стучать не будет. Прямой расчет. Ну-ка ступайте к ней, пригласите.

— Не пойдет она, — вздохнула Лидочка. — А, впрочем, ладно, пойду попробую, приглашу.

Она сбила свои кудряшки перед зеркальцем и, выйдя в коридор, столкнулась носом к носу со старухой.

— Пелагея Марковна, — робя, сказала Лидочка, — мы вот Новый год хотим встречать и приглашаем вас. Приходите запросто. Начет пая не беспокойтесь.

— Очень мне нужен ваш Новый год! — от-

резала старуха. — Я, может, пойду в бар-ресторан «Метрополь». Откуда вы знаете?

— Пелагея Марковна, мы же без всяких насмешек. Приходите, ей-богу, по-соседски. Мы будем очень рады.

— Радовалась курица хорьку. Вы лучше едет за собой в ванной тушите, гражданка Пескова, чем глупости всякие придумывать.

...После долгих и всесторонних размышлений решили все-таки Новый год встречать у Лиды. Но сначала всей компанией пойти на каток. А на сердитую соседку не обращать внимания. Будто ее и на свете нет.

И вот настала новогодняя ночь. Москва искрилась, гудела, сверкала. С нарядного неба падал мелкий снежок, и казалось, что это невидимый распорядитель новогоднего бала посыпает бегущих врассыпную москвичей холодным блестящим конфетти.

На катке было чудо как хорошо! Играл оркестр, в центре ледяного круга стояла огромная елка, украшенная цветными фонариками, плясали голубые и белые лучи прожекторов, конькобежцы носились, как черти.

Из этой веселой карусели Лида Пескова, Володя Дынников и вся их компания выбрались лишь в одиннадцать часов ночи. Пока доехали до дому, было около двенадцати.

— Проходите прямо ко мне, — тихо сказала Лида в передней. — Во всей квартире мы одни встречаем Новый год дома. Ради бога, тише!

Гости на цыпочках прошли по коридору. Стараясь не греметь стульями, уселись за стол. Налили бокалы, так, чтобы не звякать стеклом.

— Давайте пока шопотом чокаться, — предложила хозяйка комнаты, — а то она обязательно начнет барабанить, все настроение испортит. Когда она уснет покрепче, тогда можно будет погромче.

И в этот момент за стенкой послышалось довольно громкое пение.

— Тише! — сказал Володя Дынников. — Слышите? Домового ли хоронят, ведьму ль вашу, Лидочка, замуж выдают? Это определенно у нее!

Все прислушались: за стенкой действительно не очень трезвыми голосами пели:

«Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет...»

Не помня себя от изумления, Лидочка выпорхнула из комнаты и, как бомба, ворвалась к соседке.

За накрытым столом сидели какие-то старухи и усатый румяный, как яблочко, старец. Они пели хором.

— Пелагея Марковна, что это значит?! — крикнула Лида.

— Это значит — пристыжная скачет! — снял от нестерпимой гордости, ответила старуха. — Ничего такого особенного. Вот сложились наши пенсионерки и тоже Новый год встречаем. В своей компании. Извиняйте, ежель беспокоим вас. Один раз можно. Вы-то нас весь год беспокоите.

Румяный старец с трудом встал из-за стола, подошел к Лиде Песковой и, изысканно шаркнув валенками, представился:

— Соперников, инвалид труда. Очень рад познакомиться. Берите свой закусок, товарищ соседка, и приходите со своими гостями к нам, веселее будет.

— Приходите, ничего! — милостиво подтвердила Пелагея Марковна.

До двух часов ночи Новый год встречали все вместе. Подвыпивший инвалид труда, раздувая усы, танцевал со всеми девушками по очереди: вальс и старинную польку-кокетку.

А в два часа ночи Пелагея Марковна отвела Лиду Пескову в сторону и сказала, впервые назвав соседку по имени:

— Вы бы, Лидочка, шли к себе. А то скучно вашим, поди, с нами, со старухами. Да и Соперников как бы не окачурился танцовавши. Остановиться он-то уже не может, а пороку не хватает. Как бы греха не вышло. Смотрите: он весь красный.

После этой ночи Пелагея Марковна и Лида Пескова стали жить мирно.

Старуха, правда, барабанит иногда в стену соседки кулаком, но куда реже.

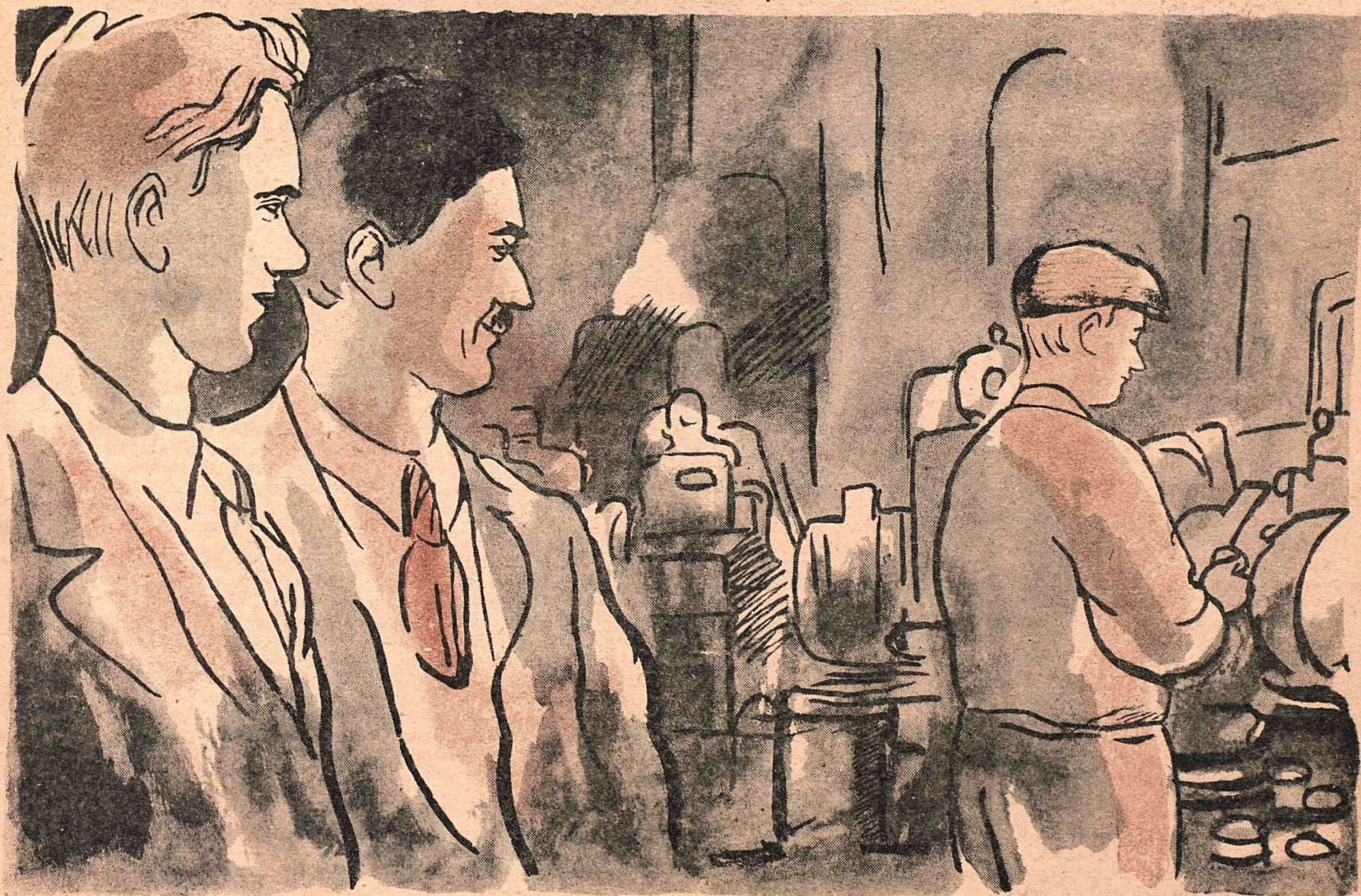
Жить можно!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

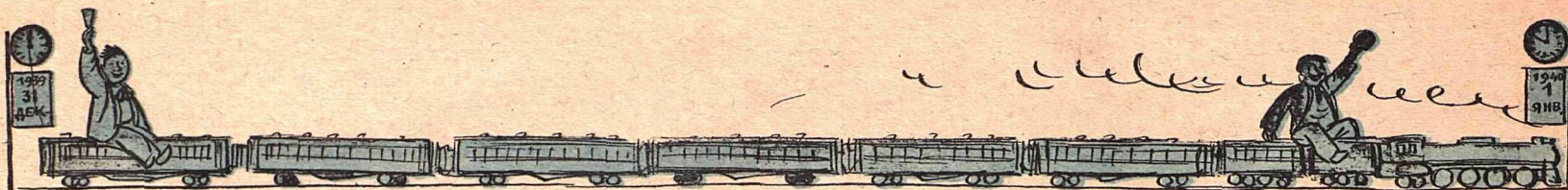
В ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

— Как вырос коллектив! Еще недавно здесь работало 10 человек, а теперь — 50.

В ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКЕ

— Как вырос коллектив! Еще недавно на этих станках работало 50 человек, а теперь только — 10.

Посвящается водителям тяжеловесных составов.

Как чорт ногу сломал (Фантастический рассказ)

СЕМЕН Иванович Верняк, скромный, неотвественный работник скромного, неотвественного учреждения в сельском масштабе, ехал в город. У него по случаю капитального ремонта этого самого учреждения образовалось пять свободных дней, и он решил поразвлечься, походить по музеям, по театрам и, как говорится, людей посмотреть и себя показать.

Семен Иванович стоял у вагонного окна и волновался.

«Ну, как я устроюсь? — думал он. — Получу ли номер в гостинице? Как буду в театры попадать? Как обратный билет на поезд достану?»

Мысли и настроение Семена Ивановича становились мрачнее и печальнее с каждым километром.

Он вздохнул и прошептал:

— И дернул меня чорт развлекаться ехать!

— И совсем я вас не дергал, — прошептал стоящий рядом пассажир.

— А при чем тут вы? — удивился Семен Иванович.

— Как это при чем? — сказал пассажир, глядя на Семена Ивановича сверкающими каким-то зеленоватым блеском глазами. — Я этот самый чорт и есть!

— Какой чорт? — испуганно спросил Семен Иванович, отодвигаясь в сторону. — Я в чертей уже третий год не верю.

— Слушайте, — сказал пассажир. — Ничего плохого я вам не сделаю, а помочь — помогу. Погорячились вы с этой поездкой. Гостиницы переполнены. Театры переполнены. Поезда переполнены. Вам без мандатов и удостоверений чертовски трудно придется.

— Что же делать? — воскликнул окончательно расстроенный Семен Иванович.

— Хотите, помогу?

— Очень хочу! — и Семен Иванович обнял чорта за талию, нащупав под пиджаком кончик задранного кверху хвоста. — И если что лишнее заплачивать придется, пожалуйста, деньги у меня есть.

— Заплатить, конечно, придется. Только не деньгами.

— А чем же?

— Душой, — ответил чорт. — Подпишем с вами договорчик, что после вашей смерти ваша душа поступает в полное мое распоряжение, — и все к вашим услугам: и номер в гостинице, и места в театре, и билет на поезд. И то и се. И пятое и десятое. Словом, все, что только ни пожелает ваша душа, будет моментально исполняться. Согласны?

Семен Иванович задумался. С одной стороны, в загробную жизнь он уже не верил, и перспектива, что будет с его душой после смерти, его не волновала, а с другой стороны, было как-то неприятно вступать в такие товарообменные операции. С чертями Семен Иванович никогда никаких дел не имел, и его пугала новизна. Наконец, желание провести весело и интересно эти дни в городе, не зная никаких волнений и беспокойств, взяло верх, и Семен Иванович согласился.

— Очень хорошо! — весело воскликнул

чорт, пожимая руку Семена Ивановича. — А договорчик оформим в гостинице. Ну вот, приехали! Носильщик! Сюда! — крикнул чорт, высунувшись в окно, и исчез.

На привокзальной площади носильщик спросил:

— Вам к трамваю, или такси дожидаться будете?

— Мне бы хотелось такси, — ответил Семен Иванович.

В то же мгновение под'ехало свободное такси и улыбающийся шофер, глядя на Семена Ивановича влюбленными глазами, сказал приятным мягким баритоном:

— Товарищ Верняк, будьте любезны, садитесь.

Под'ехав к гостинице, Семен Иванович посмотрел на плакат с надписью «Свободных номеров нет» и прошептал: «Хочу свободный номер».

В ту же секунду дежурный администратор ласково взглянул на Семена Ивановича и спросил:

— Вам, товарищ Верняк, какой номерок прикажете: подороже, подешевле, потеплей, похолодней?

— Потеплей и подешевле, — ответил Семен Иванович.

— Слушаю-с! — сказал администратор. — Спасибо вам, товарищ Верняк, что решили у нас остановиться.

Принял ванну, причем вначале не шла горячая вода, но Семен Иванович прошептал: «Хочу горячей воды», — и из обоих кранов полился такой кипяток, что пришлось прошептать: «Хочу холодной». Погулял по городу и пообедал в ресторане, причем до тех пор, пока Семен Иванович не прошептал: «Хочу официанта», — ни один из них к его столу не подходил. Затем Семен Иванович отправился в театр, в котором в этот вечер показывали новую пьесу, и все билеты были днем проданы. Но Семен Иванович прошептал: «Хочу в партер!» — и в тот же миг из окошка кассы высунулась голова кассира и сказала:

— Товарищ Верняк, не желаете ли одно в партере, первый ряд, середина?

Пьеса Семену Ивановичу очень понравилась. Кроме того весь вечер он забавлялся, что путал рядом сидящего рецензента, и тот в одном антракте хвалил автора и пьесу, в другом — ругал.

Пять дней пронеслись, как волшебный сон. Все желания Семена Ивановича исполнялись мгновенно. Наступил день отъезда. Когда обратный билет (мягкое, нижнее, в скором) уже лежал в кармане, когда уже был упакован чемодан, из каминного вылез чорт.

— Ну, как? — спросил он. — Все в порядке?

— Все в порядке, — ответил Семен Иванович.

— Ну, раз все в порядке и претензий нет, — сказал чорт, вынимая из кармана пузырек с красными чернилами и договор, — тогда прошу подписаться.

— Сейчас подпишу, — мрачно пробормотал Семен Иванович, которому стало как-то не

по себе. — Вот выпью чаю на дорогу и напишу. И, прошептав: «Хочу, чтоб в номер по дали чаю», — сел в кресло.

Прошло минут двадцать, чаю в номер не приносили.

— Что-то заело, — сказал он, глядя на чорта. — Не исполняется.

— Как так не исполняется? — удивился чорт. — А ну-ка я сам, — и громко сказал: — Чтоб сейчас же в номер подали чаю.

Прошло еще минут двадцать. Чаю не приносили. Тогда чорт позвонил. Через некоторое время в номер вошла горничная.

— Стакан чаю! — сказал чорт.

— Чаю в номера не подаем, — ответила горничная.

— Как так не подаете? — заорал чорт. — Чтоб сейчас же был чай!

— Не кричите, гражданин. Вас тут много, а я одна. Успокойте ваши нервы.

«Вот провалю ее сквозь землю, так она у меня не то запоет», — подумал чорт и произнес заклинание.

В то же мгновение под ногами горничной образовалась дыра, из которой выскочило пламя, и горничная начала проваливаться, напевая: «Чаю в номер не даем. Никогда и ничем!»

— Чорт знает, что за порядки! — буркнул чорт, нервно вынимая из портсигара папиросу, которая сама закурилась, как только он вложил ее в рот. — Чтоб сейчас в номер принесли чаю! — медленно и торжественно произнес чорт и, размахивая хвостом, начал шептать какие-то заклинания.

В камине вспыхнуло пламя. На потолке зажглась и закачалась люстра. Лежавшая на полу папироса прыгнула в пепельницу. Кресло запело цыганские романсы. Чемодан Семена Ивановича стал кружиться по комнате... но чаю не приносили.

— Пойдем в кафе пить чай, — предложил чорт.

— Зачем в кафе? — ответил Семен Иванович. — Я хочу, чтоб сюда принесли.

— Вы же видите, что не приносят. Это не я у вас, а вы у меня душу выматываете! — закричал чорт и произнес при этом самое сильное, так называемое «дубль-экспресс» заклинание. В ту же секунду по всей гостинице пошла невообразимая чертовщина и стали происходить совершенно невероятные вещи: заработали все лифты, швейцар открыл двери выходящему гражданину и сам же дал ему три рубля, директор отдал приказ о выселении из гостиницы постоянных жильцов, в ресторане джаз-оркестр начал играть новые вещи и так тихо, что посетители могли нормально между собой разговаривать... но чаю в номер не подавали.

— Договор нарушен! Ничего я подписывать не буду! — весело крикнул Семен Иванович и, схватив свой чемодан, выбежал из номера.

Несколько минут чорт сидел в кресле и плакал, вытирая слезы пушистым кончиком своего хвоста.

ЯКОВ РУДИН

Так начинался двадцатый век

Мы перелистали пожелтевшие страницы многочисленных русских журналов и газет, вышедших в первые дни XX века.

Многие заметки, статьи, корреспонденции, ответы на анкеты, репортаж, объявления дают представление о том, в каком виде застало новое столетие различные области нашей жизни.

Эти извлеченные из архива строки дадут некоторое представление о том, как начинался XX век.

Кстати, сообщим, что наступление XX века мировая печать отмечала два раза. Одни доказывали, что новый век наступил в 1900 году, другие утверждали, что в 1901.

Для этого обзора использованы газеты и журналы обоих лагерей, споривших о сроке наступления нового века. Поэтому одна часть выдержек помечена 1900 годом, другая — 1901 годом.

1. ИЗ ОБЛАСТИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

На рубеже двух веков московская газета «Русский листок» организовала анкету, в которой имелся такой вопрос: что самое худшее и самое лучшее (событие, историческое лицо, произведение искусства и т. д.) усматриваете вы в XIX веке?

Итальянский ученый Ламброзо на этот вопрос анкеты ответил, что, по его мнению, наибольший вред XIX столетию принес Чемберлен.

Имелся в виду Джозеф Чемберлен, консерватор, тогдашний министр колоний и вдохновитель англо-бурской войны. Джозеф Чемберлен — отец недавно скончавшегося Остина Чемберлена, известного своей антисоветской политикой, и нынешнего премьер-министра Англии — Невилля Чемберлена.

2. ИЗ ВЕЛИКОСВЕТСКОЙ ХРОНИКИ

Говорят, что принц Уэльский заводит себе автомобиль. Пример принца, очевидно, заразит высшее английское общество.

(Журнал «Спорт» № 7 за 1900 год).

3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В Тюмени с трех спектаклей, устроенных любителями в пользу общества пособия бедным учащимся, получено 155 р. 65 к. На устройство спектаклей употреблено 155 р. 42 к. В остатке 23 копейки, которые и поступили в пользу общества.

(Журнал «Новый век» № 3 за 1900 год).

4. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

10 января в родовспомогательное заведение Рыбинского земства один подгородний крестьянин доставил свою беременную жену, но, узнав, что потребует плата в 10 рублей, тотчас же взял больную домой.

(Журнал «Женское дело» № 1 за 1900 год).

5. ТРАНСПОРТ

«Журнал новейших открытий и изобретений» (№ 2 за 1900 год) поместил в «Почтовом ящике» следующий ответ:

«В Оренбург. Г-ну Н. А. См-ну. Мы уже извещали вас, что автомобиль, вполне приспособленных

для русских дорог, нет. Конструируемые за границей автомобили... сделаны далеко не так прочно, как это необходимо для безопасного движения экипажа-самохода по русским дорогам».

6. СРЕДИ СОСЛОВИЙ

«Встреча нового года и нового века у нас (в Петербурге) вышла очень шумная и веселая. Интересно то, что за последние годы встреча эта начинает отличаться какою-то «общедоступностью».

...Ничего нет удивительного, что «третье сословие» толпою стремится в разные «залы Виноградова», «залы Максимова» и т. п. Тут за рубль-целковый можно выпить какой-то шипучей бурды, танцеваться досыта да вдобавок оказаться еще кавалером красношейкой модисточки или камеристки.

Не знаю, шаг ли это вперед в смысле прогресса, но во всяком случае нет сомнения, что «третье сословие» старается встретить новый год точно так, как «всамделишные господа», и, приехав на

побывку в деревню, какой-нибудь подручный из галантерейной лавки, наверное, будет рассказывать, как он в столице под новый год пил «шенпанское».

(«Русское слово» № 3 за 1901 год).

7. ИЗ ЖИЗНИ АРМИИ

«Казарма в Асхабаде. Молодцеватого дядьку, бравого казака, окружили молодые казаки. Дядька знакомит их со службой и, между прочим, объясняет:

— Як тебе возьме тоска,— пиды до товарища покалякай з ним, як не поможе, пиды до взводного попроси до дому письмо напшеть. Як и це не поможе, поды до сотенного вахмистра, то вин тоби так морду побье, що разом тоска пройде».

(«Новый век» № 3 за 1900 год).

8. СПОРТ

В Киеве состоялись гонки, устраиваемые самими гонщиками. Публики почти не было. Сбор достиг всего 30 рублей.

(«Спорт» за 1900 год).

9. ОБЪЯВЛЕНИЯ

10 РУБЛЕЙ НАГРАДЫ. 25 декабря скрылся от хозяина шарманщик Василий Квасников с органом петербургской фабрики под № 24 (25 клавишей, ключ 2-й).

Приметы скрывшегося: среднего роста, волоса на голове и борода рыжие, лицо рябое, великоросс (кацап).

Лицу, которое известит хозяина о местопребывании или задержит скрывшегося, будет выдана награда — 10 рублей.

Адрес для доставления сведений: Мало-Владимирская ул. д. 88, господину АУТЕНЦИО.

(Газета «Жизнь и искусство» № 1 за 1900 год, Киев).

Американский быстрокат «КЛИВ-ЛЕНД»

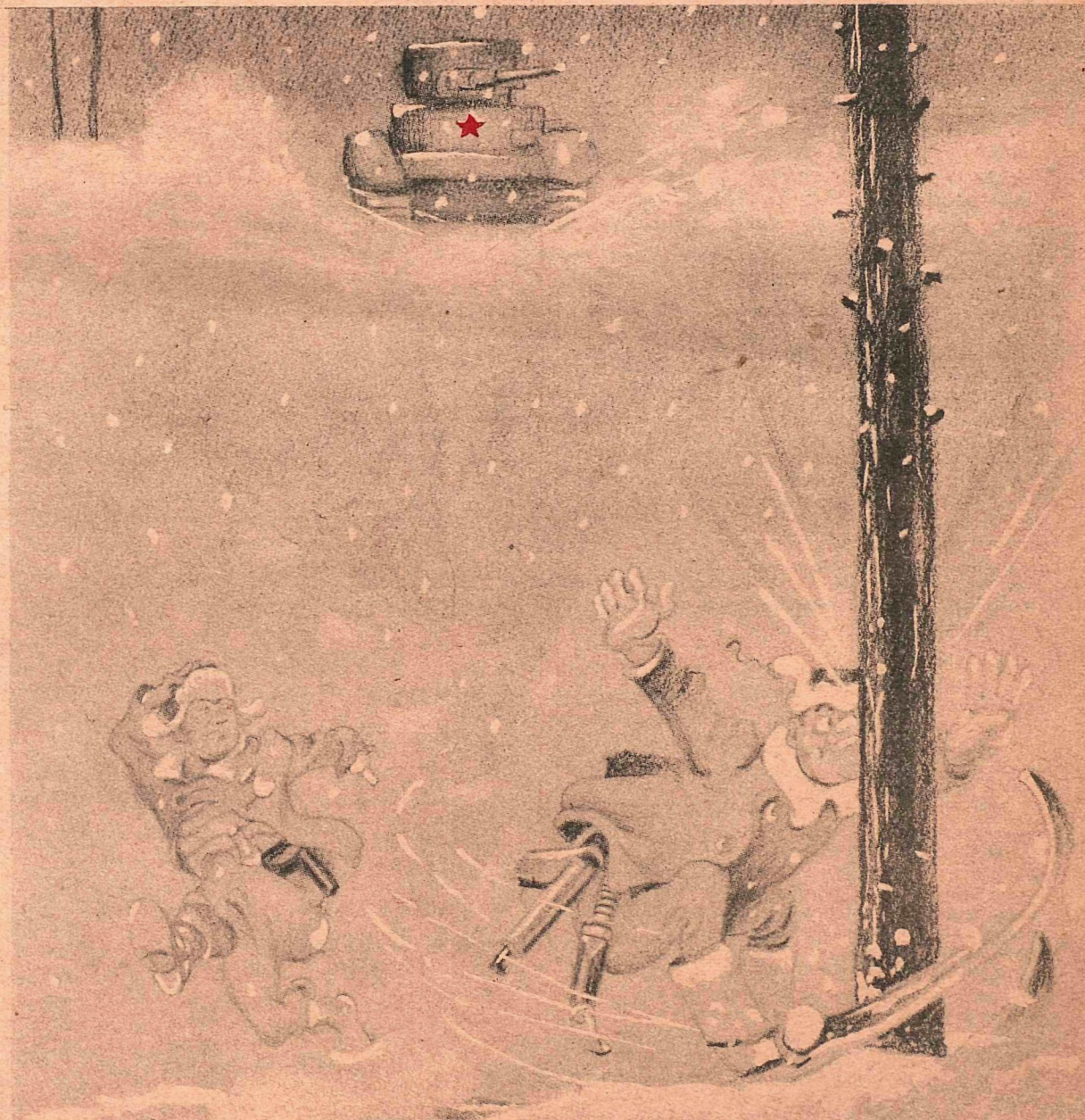
Для

аристократов и знатоков. Главный склад ГАЛЬ и К-о, СПб.

Собрал
МАКС ПОЛЯНОВСКИЙ

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Рис. бойца Н-ской части Н. Зверева

— Господин полковник, мы потеряли направление. Как идти: по звезде?
— Нет, от звезды!

ХОЗЯЙСТВЕННИК: — Как, новый год — високосный? Отлично! Этого лишнего дня мне всегда не хватало для выполнения плана.

СОВРЕМЕННЫЙ ГАЛИЛЕЙ

По улице плетутся двое, «весело» встретивших Новый год.
— Вася... а все-таки она вертится...

ОТВЕТ ПО СУЩЕСТВУ

— Сколько дней в году?
— Это смотря какая семья и как работает. У нас вышло 1200 трудодней.

СЕРВИС

— Как вас обслуживают в этом магазине?
— Не жалуемся.
— Значит, хорошо?
— Нет, жалобной книги не дают.

Взгляд и нечто

(Взгляд на сезон тридцать девятого года и нечто о сезоне сорокового года)

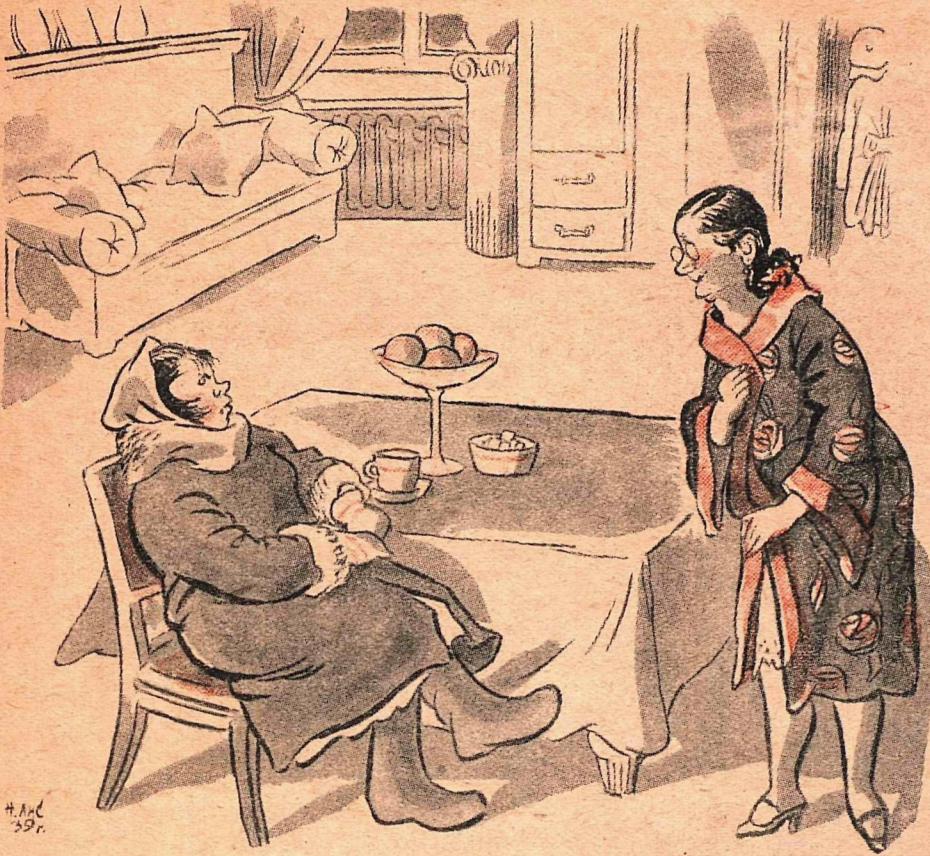
Год кончился! Спасибо! Добрый путь!
Не время ли по случаю такому
Тридцать Девятый миром помянуть
И посвятить наказ Сороковому?
Не время ль по причине таковой
Нам подсчитать, сопоставляя даты,
Что зрителям принес Тридцать Девятый
И что нам должен дать Сороковой?

Нас волновал душевно «Греков Павел»,
Шолом-Алейхем плакать нас заставил,
Смеялся Оффенбах со всех афиш,
И веселил безудержно Лабиш.
Все это в виде свежем и богатом
Имели мы в году, в Тридцать Девятом.
Что посулить Сороковому в дар?
Побольше водевилей иль трагедий,
Но не включать отнюдь в репертуар
Унылые навевающих комедий!
Всем сердцем уважая старину,
Мы пожелаем не без интересу,
Чтоб славный МХАТ поставил хоть одну,
Хотя б одну советскую пьесу;
Чтоб конкуре пьес, хоть на одну бы треть,
Нам подарил репертуар, в котором
Нашлось, чего бы поиграть актерам
И зрителям нашлось чего смотреть!
Всего, что молодо, свежо и ново
Мы ожидаем от Сорокового.

Пусть подытожит год Сороковой
Все прожитые радости и страсти:
Был юбилей проведен цирковой,
А также конкуре по эстрадной части.
Тут было все: и пенье, и игра,
Наездники, танцоры и гимнасты,
Великолепнейшие мастера
И настоящие энтузиасты.
И удалство и молодая прыть,
Прыжки легки, полеты сверхпироворны,
Но если есть о чем поговорить,
Так именно о жанре разговорном.
Прожить легко ли на одном «кувырк» —
Молчит эстрада, безглаголен цирк.
И потому-то будет очень кстати,
Когда они в Сороковом году,
Успешно перестроясь на ходу,
Сорвут молчанья тяжкие печати.

Кино. Среди очередных картин
Великий фильм «Великий гражданин».
И можем мы определить заране,
Что если дал Тридцать Девятый год
Нам Кирова живого на экране,
То этот год бесследно не пройдет.
Но — тут опять без «но» не обойдется,—
А как в кино со смехом обстоит?
Нет, безусловно зритель не простит,
Когда и в этот год не дождется
Комедии, что, скуку разразя,
Веселье наше отразить способна.
Без смеха жить не только неудобно,
Но, более того, никак нельзя.
Вот это — все, что вспомнить довелось нам,
Все то, чему проделали подсчет,
Что в смысле и прямом и переносном
Оставил нам Тридцать Девятый год.
Что говорить, по мнению народа,
Год этот был неплох, как таковой,
А если он чего-либо недодал,—
Пусть перевыполнит Сороковой.

АРГО

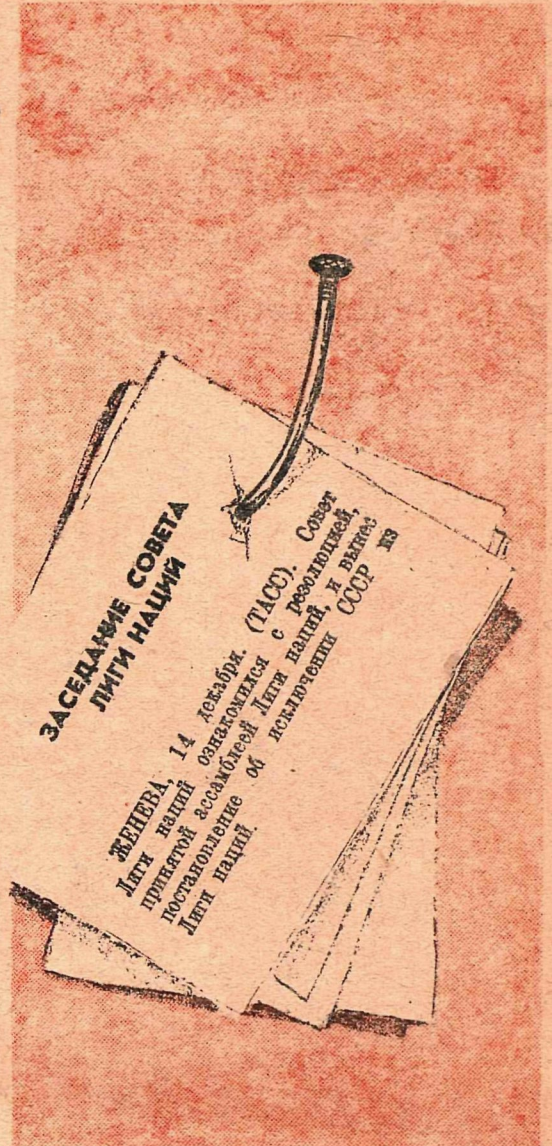
— Поступить к вам домработницей я согласна, но только рекомендации у вас есть?

ПОПРАВКА К ДАРВИНУ

Рис. К. Елисеева

— Неужели и мы, отче, приходим от обезьяноподобных предков?
— Надо полагать, — от обезьянопреподобных!

ТОСТ ЗА КАЧЕСТВО

Рис. В. Васильева

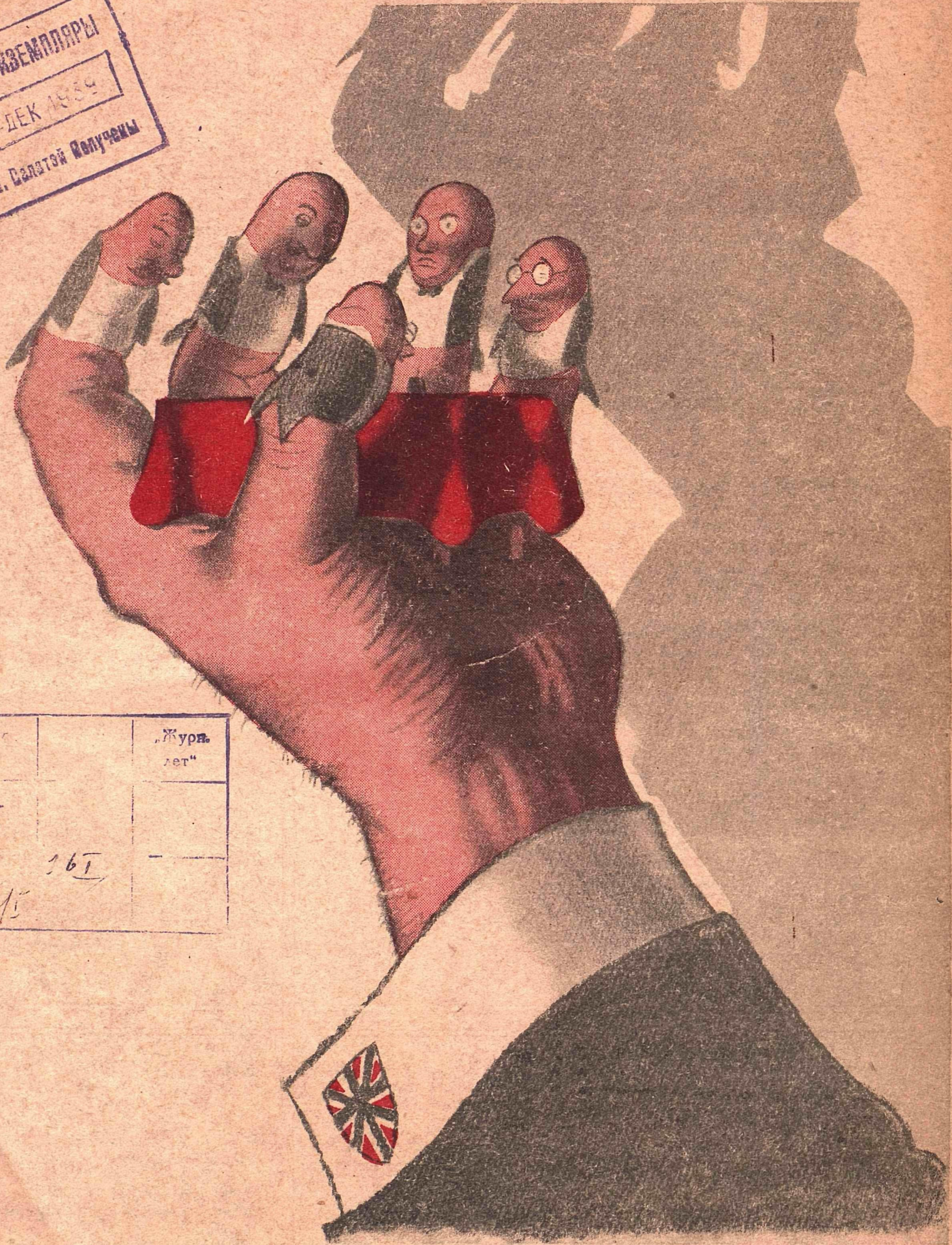

Кто это чокается?
Два директора стекольных заводов.

НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ

45
Рис. Ю. Гауфа

ОБЯЗАТ. ЖИЗЕННПАРЫ
31-ДЕК 1939
Секр. М. Салатов Велучемы

	Сер...	Журн...
Получ. в вед.	2/5	лет
Сдан в архив	2/5 3/5	161

Ясно, как на ладони.